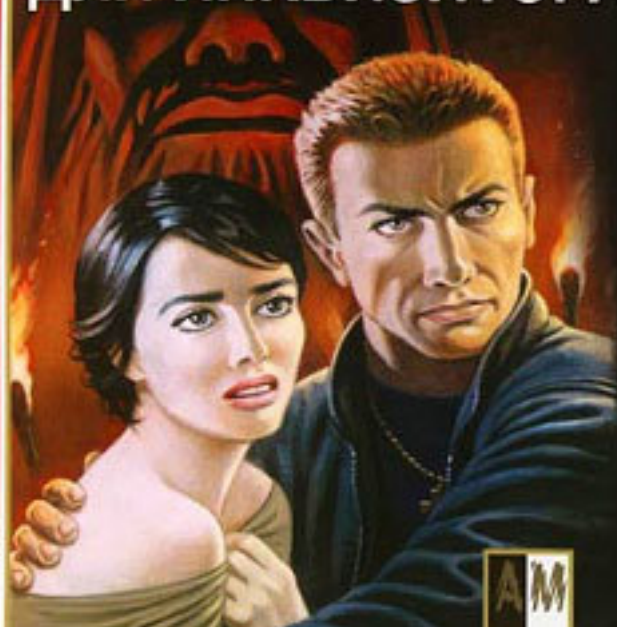

ТРИЛЛЕР ДЕСЯТИЛЕТИЯ

МАЗИН АЛЕКСАНДР

КОСТЕР ДЛЯ ИНКВИЗИТОРА

Александр Владимирович Мазин

Костер для инквизитора

Серия «Инквизитор», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165736

Аннотация

У него есть женщина, которая его по-настоящему любит и оберегает, есть сэнсэй-наставник, есть сильные и надежные друзья. И еще – земля, город, люди, которых он должен уберечь. А для этого он должен найти врага. Найти и уничтожить. Враги меняются: бандиты, политики, пожиратели душ из тоталитарных сект... Но пока он жив, он будет их уничтожать. Но дай ему Бог – не переступить черту, за которой главным Злом станет он сам.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	33
Глава четвертая	45
Глава пятая	57
Глава шестая	66
Глава седьмая	77
Глава восьмая	90
Глава девятая	104
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Александр Мазин

Костер для инквизитора

*В этой стране только мертвые сраму не имут.
В этой стране только мертвым дано говорить.
В этой стране, на развалинах Третьего Рима,
Только и свету, что спать да молитву творить.
В этой стране, где свобода – не больше, чем
право
Сесть наугад в переполненный грязный вагон
И, затаясь, наблюдать, как меняет Держава
Лики возжей на полотнах бесовских икон.
В этой стране никому и никто не подвластен
Данностью свыше. Почти не осталось живых
В этой стране, где уверенность в будущем
счастье
Лишь у юродивых. (Бог не оставит своих.)
Здесь, на объездах Истории, жирные монстры
Прут из земли, как поганки под теплым
дождем.
Серое делают белым, а белое – черным
В этой стране...
Но другой мы себе не найдем.*

Часть первая

Вошь

*Каждый из нашего рода был отмечен
благодатью мудрости и одарен умением добиваться
высот профессионализма в любом деле. Какая
радость использовать эти качества во благо.
Миямото Мусаси. Книга пяти колец*

*В Соединенных Штатах есть два важнейших
института, использующие профессиональных
убийц: армия и мафия.*

Серебряный головной обруч испещряли крохотные фигурки, но чьи – не разглядеть. Обруч – темно-серый, потому волосы двойника казались желтыми. Или это от костра?

Тень мелькнула над головой. Шорох, дуновение, скрип. Большая птица опустилась на длинную ветку. Огромные глаза, перья – как настороженные уши. Сова. Или филин? Двойник не обращал на птицу внимания, и все-таки в ее появлении чувствовалась неслучайность.

«Соглядатай», – подумал Андрей.

Откуда эта мысль? Бес ее знает.

Двойник вполголоса напевал что-то – не разобрать слов.

Ласковин кашлянул. Не то чтобы ему было неудобно, наоборот, но...

– Что, братко? – спросил двойник, поднимая голову. – За-
сучал? – Тяжелые серьги у него в ушах закачались. Не в
такт. – Хочешь слово мое услышать? Не обидишься?

– Там видно будет, – уклончиво ответил Андрей.

Серая жирная сова глядела не мигая. В каждом зрачке –
по крохотному костру.

В темноте застонал, завозился связанный оборотень.
Двойник цыкнул, оборотень притих.

– Слабый ты, – сказал двойник. – Власть твоя, а ты ее бе-
гаешь. Боишься?

– Не хочу.

– Не хочешь, – повторил двойник. Затем, с укоризной:
– Ты – Миру ограда, Владыка, а пятишься, будто отрок
несмышленный. – (В жесткой бороде – зеленые травинки.) –
Где дружина твоя? Разбежалась? Пришлым служит? Разбой
чинит? А ты – «не хочу».

– Легко говорить, возьми... – проворчал Андрей. – А как?
Да и не власть у нас, а блуд публичный. Тебе не понять.

Двойник некоторое время молчал, полировал короткий,
выгнутый серпом нож кусочком кожи (сова на ветке пере-
ступила с ноги на ногу), затем поднял глаза – в каждом жел-
тое пламя, выговорил будто с трудом:

– Хочешь – помогу?

– Помоги, – согласился Андрей.

Он не верил.

Двойник встал, подошел к оборотню. Тот загода заскулил,

но человек не стал его бить, сунул руку в спутанную гриву, покопался:

– Гляди,– сказал он Ласковину.– Вошь.

– И что? – Ласковин поглядел на мелкое насекомое без малейшего интереса.

– В этом кровососе кровь нелюди,– сказал двойник.– Черная кровь. Этот вошь – твой союзник, братко. Служит тебе, сам не ведая.

– Ну и что с того? – проворчал Андрей.– Ты мне не притчи рассказывай – прямо ответь: поможешь или нет?

Двойник вздохнул, потемнел лицом, рот, наполовину спрятанный под пшеничными усами, скривился, как от внутренней боли.

– Добро,– проговорил он тихо.– Помогу. Только и ты не забудь...

– Что? – спросил Ласковин.

Двойник раздавил насекомое и вытер пальцы о штанину.

– Прощай,– сказал он.

Сова упала с ветки, беззвучно подхватила на крылья и канула в темноту.

И Андрей проснулся.

Глава первая

У станции метро «Нарвская», на углу, где нужно быть немножко камикадзе, чтобы прорваться сквозь поток машин, стоит киоск. В киоске этом обычно продают разную горячую мелочь, вроде сосисок и чая. Но не в данный момент. Потому что в данный момент у киоска топтались двое мелкостриженных молодых людей. Вернее, топтался один, а второй, просунув голову в окошко, что-то бубнил на матных тонах.

Прохожие, возжаждавшие покушать, глянув на кожаную спину второго и недружелюбную физиономию первого, покорно дрейфовали мимо. Но не все.

Рослый сутуловатый мужик в брезентовой робе и таких же штанах, заправленных в резиновые сапоги, остановился в паре шагов. Лицо мужика украшали грязевые разводы, а голове – засаленный подшлемник преклонных лет. Еще следует сказать, что запах от мужика исходил очень характерный. Дерьмецом тянуло. Посему прохожие огибали его с большой аккуратностью. Но сам мужик к запаху, вероятно, притерпелся, а поскольку – живой человек, то желал сосисок с кетчупом. Или бутерброд с сыром. Или просто горячего чая, вполне уместного в осеннее время. От нечего делать человек в брезентухе прислушивался к разговору. Беседа велась вполголоса, но назвать ее приятной было трудно.

– Ты, сучка,— проникновенно говорил обладатель кожаной спины молоденькой продавщице.— Ты, бля, открой дверь, бля, или я сам открою! Не ясно, бля? Что, не ясно?

Ответ девушки услышать снаружи было невозможно, но по всей видимости, открыть дверь она отказывалась, потому что реплики мелкостриженного повторялись с удивительным однообразием.

Мужик в брезентухе вздохнул. Видно, понял — это надолго. А кушать хочется.

Второй молодой человек оглянулся. Милиционеры, обычно маячившие у входа в метро, куда-то запропали. Парень решительно обогнул киоск и рванул дверь. И еще раз, так, что киоск содрогнулся.

Мужик в робе подошел к разговорчивому молодцу и хлопал по кожаной спине.

Молодец дернулся, вынырнул из окошка. Видно было — испугался. Однако, обнаружив всего лишь алкаша-пролетария, сразу успокоился.

– Что надо? — буркнул он.

Напарник его оставил в покое дверь и подступил сбоку.

И тут же отступил: запахок.

Мужик в робе с наивностью простого человека взирает на поросшее светлой щетиной прыщавое лицо первого молодца.

Молодец глядел на пролетария с нескрываемой брезгливостью: вонючее, грязное животное.

Мужик засунул руки в бездонные карманы брезентухи, и несоразмерно длинные рукава собрались гармошками.

– Мне бы покушать, – сказал пролетарий.

Молодцы переглянулись. (Во мудак! Покушать!)

Первый парень распахнул куртку. За поясом у него торчал пистолет. Газовый.

– Ну все, придурок... – начал молодец, вытягивая пистолет из-за ремня.

Пролетарий отступил на шаг... и быстро выдернул из кармана неожиданно удлинившуюся правую руку. Тугой хлопок полностью потерялся в лязге огибающего кольцо трамвая. Лицо молодца вдруг стало удивленным-удивленным, а на зеленой в клетку фланелевой рубаше, слева, в аккурат на нагрудном кармашке, появилось темное пятно размером с метрошный жетон.

Второй, уже сцепивший руки, чтобы врезать работяге по затылку, застыл с отвисшей челюстью.

Из широченного рукава брезентухи глядел пистолетный ствол с толстым длинным цилиндром глушителя.

За пазухой у молодца был припрятан нож, а на спине, за ремнем, немецкий газовик. Но парень как-то сразу о них забыл, когда увидел, как плюхнулся рожей в грязь его напарник.

– Деньги, – негромко произнес пролетарий, протягивая левую ладонь.

Рука у него была грязная, широкая, пальцы – с тупыми

загнутыми ногтями.

Трясущимися руками молодец расстегнул куртку и вытащил бумажник. Довольно тощий.

– Вот, пожалуйста,— он то и дело поглядывал на своего приятеля. На бывшего приятеля. Молодец вдруг очень хорошо осознал, какой маленькой и незначительной стала его жизнь.

Мужик уронил бумажник в карман рубы.

– Уёбывай,— сказал он негромко.

– Да? Спасибо-спасибо-спасибо... – забормотал парень, пятясь.

А шагов через десять быстро повернулся и припустил по Рижскому. Человек в рубе сапогом перевернул убитого, вытащил бумажник (такой же красивый и тощий, как у его более везучего приятеля), снова перевернул труп лицом вниз, раскрыл бумажник и извлек десятку. Действовал он настолько спокойно и уверенно, что вряд ли кто из прохожих понял, что произошло. А если и понял, то предусмотрительно остался в стороне.

Пролетарий сунул десятку в окошко, получил взамен пару сосисок на бумажной тарелочке, хлеб и чай.

Отойдя, он принялся неспешно жевать смешанный с костной мукой и красителями импортный крахмал. У киоска мгновенно образовалась небольшая очередь. Девушка работала, люди ели, труп валялся в грязи. Каждому – свое. Лежит человек – значит, ему так нравится.

Из метро вышли два милиционера. Оглянулись по-хозяйски, увидели лежащего и неторопливо направились к нему. А куда спешить – ясно ж, что не убежит. А куртка хорошая. Многообещающая куртка – бомжи таких не носят.

Подошли. Один потрогал ботинком. Лежащий не пошевелился. Покойники обычно не двигаются. Даже в присутствии людей при исполнении.

Человек в робе стоял чуть поодаль, прихлебывал чай и без интереса наблюдал за развитием событий.

Второй милиционер, не поленившись, нагнулся, прихватил поросль на макушке, приподнял голову и отпустил. Голова глухо стукнулась об асфальт.

Вокруг уже собрались зеваки.

Толчком ноги милиционер перевернул труп и сразу понял, что это – труп. Набухшая кровью рубашка, красная лужа, остановившиеся глаза... И пистолет за поясом.

Второй тут же что-то забормотал в рацию.

Человек в робе доел, смял бумажную тарелочку, бросил ее в бак с надписью «кока» и двинулся через перекресток, заставив с визгом затормозить красные «Жигули» – «девятку».

Следуя по Рижскому, человек в робе миновал гастроном, свернул налево, во двор, и пропал.

– «Огнестрельное ранение в области грудной клетки, по всей видимости повлекшее за собой смерть...»

– Дебилы, – сказал старший лейтенант и отложил рапорт. –

Три класса медучилища. Расскажи своими словами, Гомонов.

— Ну,— начал Гомонов.— Видим, лежит. Мы подошли. Жмурик. Документов нет. Бумажника нет. Было двое. Наезжали на киоскершу. Потом... ну ясно.

— Потом один усоп,— резюмировал старший лейтенант.— Ему купили гроб.

— Ясно,— повторил Гомонов.— Повздорили с приятелем, тот его и шлепнул.

— Семен Васильевич Хижигов,— сказал старший лейтенант.— Семьдесят второго года рождения. Судим за разбой. Освобожден одиннадцатого, то есть десять дней назад. Справка об освобождении... Что скажешь?

— Глухарь?

— Похоже на то,— согласился Гомонов.

Вдоль длинного ряда ларьков, выстроившихся вдоль проспекта Стачек, неторопливо двигался мужчина с собакой на поводке. Мужчина средних лет, крепкий, в шелковом спортивном костюме и бело-зеленых кроссовках выглядел уверенно и спокойно. Пес-ротвейлер, тоже уверенный и спокойный, оглядывал мир надменно и чуточку презрительно. Впрочем, когда пес поднимал глаза на хозяина, морда ротвейлера становилась умильно-преданной.

Слегка раздобревшее туловище мужчины облегал кожаный пояс с сумочкой на молнии. Подходя к очередному киоску, мужчина негромко стучал (если продавец не ждал его

у входа), вежливо здоровался, клал в сумочку протянутые деньги, обменивался с торговцем парой жизнерадостных реплик и следовал дальше. Во время беседы ротвейлер усаживался на асфальт и неотрывно смотрел на говорящего с хозяином. Пес выглядел дисциплинированным, но торговцы старались держаться от него подальше.

Только один раз мужчина изменил привычному жизнерадостно-веселому тону. Когда один из торговцев, чернявый парень с опухшим лицом, вместо двух бумажек протянул ему одну. Мужчина сразу перестал улыбаться, а его громкий и сочный голос стал тихим и жестким. Ротвейлер зарычал и придвинулся к чернявому. Мужчина слегка дернул поводок. Но только слегка. Чернявый забормотал что-то, оправдываясь.

– Завтра, – сказал мужчина и проследовал дальше.

Чернявый поглядел ему вслед с явным облегчением.

Закончив обход, мужчина в спортивном костюме отправился в небольшой сквер неподалеку, отстегнул поводок (ротвейлер тут же ускакал по своим собачьим делам), опустился на скамью и прикрыл глаза, наслаждаясь хилым осенним солнышком.

Внезапно на мужчину упала тень.

Рядом со скамейкой стоял человек в заскорузлом от масла и солидола ватнике и бесформенных ватных штанах. Голову человека украшал сбившийся набок подшлемник, небритое лицо изукрашено разводами грязи.

Мужчина в чистом и красивом спортивном костюме оглядел неуклюжую фигуру.

– Проблемы? – спросил он почти благожелательно.

Ротвейлер уже был тут как тут, скалился, готовый вырвать глотку или откусить яйца по первому кивку хозяина.

– Дай сто баксов на портвейн, – сказал работяга.

Мужчина рассмеялся благодушно. Ротвейлер, увидев, что хозяин доволен, тут же уселся и вывалил язык. Все в порядке.

– Или двести, – работяга показал на туго набитую сумочку.

Мужчина мгновенно перестал улыбаться. То, чем странный работяга указал на сумочку, было стволом пистолета с навинченным глушителем.

– Лучше не надо, – человек в ватнике покачал головой, угадав мысли мужчины. Бочонок глушителя смотрел точно в правый глаз хозяина ротвейлера.

Мужчина призадумался. Глаза человека в ватнике, светлые, неестественно чистые и ясные – на перемазанном грязью лице, были пустыми и блестящими, как вымытые оконные стекла.

Мужчина думал. Он мог (одним движением пальца) командовать псу... А дальше? Ватник и ватные штаны до удивления напоминали «обмундирование» собачьего инструктора. Совпадение?

– Долго думаешь, – констатировал человек в ватнике. – Теперь давай все.

Мужчина скорее почувствовал, чем увидел, как шевельнулся палец на спусковом крючке, и, быстро расстегнув пояс, протянул его человеку в ватнике. Ротвейлер тут же оказался на ногах и грозно зарычал.

Человек в ватнике даже не оглянулся.

– Козырь, сидеть! – рявкнул хозяин.

Человек в ватнике запихнул сумочку в боковой карман («хвосты» пояса так и остались висеть снаружи), повернулся и двинулся в сторону Нарвских ворот. Пистолет он все еще держал в руке, но из-за длинного рукава ватника оружие не бросалось в глаза.

Мужчина в спортивном костюме озадаченно глядел ему вслед.

Глава вторая

В дверь позвонили в шесть утра. К счастью, только один раз, поэтому Наташа не проснулась. Ласковин, выматерившись про себя, тихонько вылез из-под одеяла, натянул трусы и вышел в коридор, по дороге прикидывая, кого могло принести в такую рань. Металлическая пластина на входной двери отразила недовольную физиономию.

«Закрашу мерзавку», – подумал Андрей и посмотрел в глазок.

Посмотрев же, нахмурился еще больше, полез в тумбочку за пистолетом, сдвинул предохранитель и только после этого открыл дверь.

Того, кто стоял за дверью, вид направленного ствола не смутил. Вероятно, привык.

– Спортсмен? – Скорее утверждение, чем вопрос.– Это тебе.

И протянул кожаную сумочку-пояс размером с футляр от «кодака».

– Открой,– велел Ласковин.

Вжикнула молния. В сумочке тугой пачкой лежали баксы.

– За что? – спросил Ласковин.

– Компенсация.

– Кто?

Курьер пожал метровыми плечами.

— На,— вложил сумочку в левую руку Ласковина и потопал вниз по лестнице.

Андрей тупо глядел ему вслед. Потом опомнился, но не бежать же следом в трусах? Смешно.

Заперев многочисленные замки, Ласковин аккуратно прикрыл дверь в спальню, отправился на кухню и не спеша сварил кофе. Пузатенькая сумочка мирно лежала на столе, являя миру светло-зеленые внутренности. Кофе взошел, и Андрей снял джезvu с огня. Так же неторопливо приготовил шесть бутербродов с сыром. Тоненьких, как любил. Затем сел и съел все шесть, запивая кофе. И только после этого расстегнул сумочку до конца, вытряхнув на стол четыре перетянутые резинками пачки сотенных. Если в каждой по сотне бумажек, всего сорок тысяч.

В пачках оказалось не по сто купюр, а вдвое больше. Серьезная сумма. Годовой доход преуспевающего американца. Андрей запихнул баксы обратно в сумочку, застегнул молнию. Налил себе еще кофе и пожалел, что не курит. Ей-богу, пары киллеров он испугался бы меньше, чем этой пачки. Нехорошие деньги. Грязные, очень грязные. От этих новеньких купюр так и перло злом. Зря он их взял...

Почувствовав, как приходящие мысли раскачивают его, нагнетают эмоции, угрожают внутреннему равновесию, Андрей сказал себе: «Стоп!»

Выкинув из головы все проблемы и мысли, Ласковин не стал допивать кофе, а поднялся, принял одну из медитаци-

онных стоек и на полчаса превратился в статую. Через полчаса он на мгновение вышел из неподвижности, изменил положение рук. Еще через час на кухню заглянула Наташа и, увидев, что ее друг занимается, отправилась в ванную. Когда она появилась снова, Ласковин уже жарил бекон. Себе. Наташа теперь завтракала проросшим зерном.

– Были гости? – спросила девушка, расчесывая волосы.

– Ты так думаешь? – Ласковин поглядел на нее с восхищением, но восхищался он не столько ее проницательностью, сколько внешностью.

– Бабушка рассказала.

Имелся в виду портрет в комнате.

Наташа присела на подоконник и поставила на колено тарелку с залитым с вечера зерном. По правилам зерно полагось есть руками и «сосредоточиться на наслаждении пищей», но наполняющий кухню запах жареной свинины этому сосредоточению, мягко говоря, мешал.

Ласковин выплеснул на сковороду яйца, перехватил косой взгляд, ухмыльнулся:

– Овсянка, сэр!

– Свинство, сударь! – сердито сказала Наташа, прыгнула с подоконника и, отобрав у Андрея нож, сцапала со сковороды кусок ветчины.

– Точно, – согласился Ласковин. – Как есть свинство, не какая-нибудь телятина!

Наташа фыркнула и осторожно, чтобы не обжечься, при-

нялась за бекон.

Звонок в дверь.

– Бойкое нынче утро, – проворчал Андрей и двинулся открывать.

– В комнату не веди! – крикнула вслед Наташа. – Там постель не прибрана.

Новый гость разительно отличался от предыдущего. И телом, и духом.

– Андрей Александрович?

– Так, – кивнул Ласковин, не спеша приглашать гостя в дом.

– Прошу извинить великодушно, Григорий Степанович сказал, что, может быть... если вы... ни к чему не обязывая...

– Смушко?

– Да, он...

– Входите.

Наташа удивленно оглядела гостя. Он совсем не походил на друзей и недругов ее Андрея. Слишком пришибленный и слишком... интеллигентный. Несмотря на щетину и черные круги под глазами.

– Хотите кофе? – предложила она.

– Если вас не затруднит.

– Нисколько.

Рука, принявшая фарфоровую чашечку, дрожала. Но на похмельный синдром не похоже. Тем более запах перегара

отсутствует. Ломка? Тоже сомнительно. И вдруг поняла: горе, большое горе. Господи, ей ли не знать, как выглядит человек в беде!

– Как Григорий Степаныч? – спросил Андрей. – Здоров? Давно с ним не виделись.

– Да мы с ним не очень... близки. Просто... – Он покопился на Наташу, и та, мгновенно угадав, поднялась.

– Андрюш, я пойду соберусь, вы уж тут сами, ладненько? Андрей кивнул.

– Даже не знаю, с чего начать... – пробормотал гость, когда девушка вышла. – Какая у вас красивая жена, Андрей Александрович! У меня тоже красивая... и дочка. – Подбородок гостя задрожал.

Ласковин открыл шкафчик, извлек початую бутылку коньяка, рюмку.

– Я не пью! – вяло запротестовал гость.

Но выпил.

– Как вас зовут? – поинтересовался Андрей.

– Виноват, – смущенно проговорил гость. – Я совсем... Данилов Сергей Евгеньевич. Кандидат исторических наук... Впрочем, какое это имеет значение, извините?

– Никакого, – хладнокровно ответил Андрей. – Имеет значение только то, что вас прислал ко мне Смушко. Зачем?

– Если вы согласитесь меня выслушать...

– Уже, – сказал Андрей и снова наполнил рюмку.

Этот человек его раздражал.

– Что, простите?

– Уже согласился. Если Григорий Степанович рассчитывает, что я вам помогу, значит, я помогу. Пейте и рассказывайте.

– Благодарю.— Данилов проглотил рюмку.— Но вы совсем не обязаны. Тем более что у меня даже нет возможности заплатить...

Андрей вздохнул.

– Я вас ударю. Или выгоню. Если вы немедленно не объясните, в чем дело.

– Простите, простите, сейчас... – Гость собственноручно налил себе третью рюмку, проглотил, потянулся за следующей порцией, но Андрей бутылку отобрал и спрятал.

– Итак?

– У меня есть жена,— сказал Данилов. – И дочь. Я уже говорил...

– Так.

– Они немного увлекаются оккультизмом.

– Так.

– Пошли на одну лекцию...

– Так.

– А вернулась только жена. Утром. Избитая. Кнутом.— Данилов судорожно сглотнул.— А девочку они не отпустили.

– Кто «они»?

– Оккультисты.

– Так...— Дело понемногу прояснялось.— Сколько лет де-

вочке?

– Девятнадцать.

– Хм...

Не такая уж маленькая девочка.

– В милицию обращались?

– Да. Они ничего не могут. Вика...

– Вика – ваша дочь?

– Да. Вика не хочет возвращаться. Они... Психотропная обработка, я знаю, так бывает.

– Давно это произошло?

– Три недели уже. Я хотел нанять детектива, но... у меня нет таких денег. Сам ходил, но меня... вытолкали.

«Деньги, – подумал Андрей, покосившись на подоконник, где за шторой лежала набитая баксами сумочка. – Будем считать, мне заплатили вперед».

– Сделаем так, Сергей Евгеньевич. Вот вам блокнот, подробно опишите все, что известно вам и вашей жене. А я пока соберусь и поеду.

– Куда?

– К оккультистам вашим, – Андрей усмехнулся. – Не думаю, что они вытолкают меня!

Как и предположил Ласковин, письменным слогом Данилов владел лучше, чем устным. Изложил все подробно, точно и лаконично. Вот что значит кандидат исторических наук. Читая, Андрей набрал номер начальника охранного бюро «Шлем».

– Абрек? Это Ласковин. Как дела? Конь все по заграницам скачет?

– Скачет,– Абрек хохотнул.– Скоро стипль-чез выиграет.

– Какие ты слова знаешь. На тебя глядя и не подумаешь.

– А ты приезжай и погляди внимательнее. Нет бы просто так заехать навестить. Как Спортсмен спортсмена. Небось опять надо чего?

– Надо,– подбавив раскаяния в голос, сказал Андрей.– Но днями заеду. Просто так. Слово.

– Поверим. Ну, излагай.

– Спонсор у меня объявился. Сегодня. Не слыхал, кто?

– Нет. А подробнее?

– Заявился с утра пораньше мордоворот. Вручил фунт зелени. Сказал: компенсация. И ушел.

– А ты отпустил? – укоризненно проговорил Абрек.

– Угу. Сонный я был. Соображал плохо. Поспрошай, ладно?

– Поспрошаю. Если что, познакомили меня тут с одним человечком, директором информационного бюро. Сам не узнаю, его можно запрячь. Только он дорого стоит. Поднимешь?

– Без проблем. Как там Митяй?

– Служит. Тебя вспоминает.

– Привет ему. Спасибо, Абрек. Увидимся.

– Давай.

Ласковин вернулся на кухню.

– По коням, Сергей Евгеньевич.

В коридоре постоял, подумал, что надеть. Решил: драться пока не будем, и надел красавец-плащ, Наташин подарок, из Голландии привезла. Потрясающая вещь. В таком даже в его «Ауди» стыдно ездить. Крайслер нужен, минимум.

– Наташа, я ушел!

– Пока. Когда вернешься?

– Бог знает. Позвоню.

По тому, как Данилов садился в его машину, Ласковин определил: собственных «колес» у историка нет. А посему, обнаружив, что Андрей является хозяином чернолаковой импортной красавицы, неожиданный гость мигом отнес Ласковина к классу «хозяев жизни». Будь Данилов парнем попроще, Андрей посоветовал бы ему расслабиться. Кухонька, на которой историк сидел без всякого напряжения, стояла дороже этой лошадки. Которую Ласковин даже и не покупал: кореша скинулись, чтоб поддержать умирающего.

Но Андрей не стал вдаваться в объяснения. Повернул ключ, воткнул в пасть магнитолы Китаро.

– Не против?

– Нет. Хотя... я люблю менее искусственное и поновее.

– Вах! – сказал Ласковин.

Ожил, наконец!

– Есть и поновее.

И воткнул то, что недавно принесла Наташа.

– О! – Данилов оживился. – Это кто?

– Александр Видякин. «Легион». Группа «Царьград». Или, наоборот, «Царьград», группа «Легион».

– Никогда не слышал. И не видел.

– Только для своих,— усмехнулся Ласковин.

Перемахнул через мост и повернул вправо, в объезд Марсова поля.

– А хорошо,— вдруг сказал Данилов.— И не похоже, что домашняя запись.

– Почему домашняя? — удивился Андрей.— Нормальная. Могу, кстати, переписать.

– А можно?

– Кто сказал, нельзя?

– Андрей Александрович, я могу полюбопытствовать, где вы работаете?

«Нигде»,— был бы честный ответ. Но не следовало огорчать хорошего человека.

– Фирма «Шлем». Охрана, сопровождение и прочее.

Даже не совсем вранье. Трудовая по сей день лежит в столе у лапушки Фаридушечки, Сипякинской, вернее, теперь уже Абрековой секретарши, ибо слабо верится, что Конь прискачет из своих заграниц.

– И хорошо платят?

– Сдельно,— сказал Ласковин.— Сергей Евгеньевич, давайте немного помолчим, мне надо подумать.

– Простите.

Да, подумать надо. Итак, что мы знаем? Есть некий госпо-

дин по имени Дмитрий, но охотно отзывающийся на кличку Мастер. Обитает сей господин на славной улице Чапаева. Именно оттуда «выставили» уважаемого Сергея Евгеньевича. Есть определенная вероятность, что там же обретается и блудная дочка Вика. С точки зрения самого Ласковина, ее можно было бы там и оставить.

В Питере тысячи писюшек-малолеток, завязших в сомнительных компаниях. Причем половина рада бы выбраться, да не может. А дочка Вика мало того, что совершеннолетняя, так еще и домой не желает. Но точка зрения Андрея в данном случае значения не имеет. Смушко редко обращается к нему с просьбами, и не уважить – просто свинство. Однако вопрос остается открытым. Даже если Ласковин и передаст чадо в объятия папы, кто поручится, что завтра дочурка не удерет снова? «Ладно,— подумал Ласковин.— Значит, об этом позаботится Дима-оккультист».

Данилова он оставил в машине. Поднялся. Постоял под дверью, прислушиваясь, а заодно приводя себя в надлежащее настроение. Позвонил. Ждать пришлось долго, минуты три. Затем дверь приоткрылась, выглянула женская мордочка. Довольно потасканная. И сразу потянуло конопелькой.

– А вам кого?

Ласковин вальяжно улыбнулся.

– Может, и тебя, киска. Хозяин дома?

– Нету,— ответила «киска», по-прежнему придерживая дверь.— Болеет Мастер.

– Нету? Или болеет? – Ласковин улыбнулся еще шире, в полный оскал. – Разве мастера болят, лапка?

– Угу, – робко растянула губки.

– На-ка, на лекарства, – протянул свернутую трубочкой двадцатибаксовую бумажку.

«Киска» бумажку взяла. Рефлекс. А дверь отпустила, и Ласковин этим воспользовался.

Ага! Росписью коридор мог бы соперничать с тантрическим храмом. Если бы у расписывавшего присутствовал художественный талант. Зато эрудиция у «художника» безусловно была.

Пока «киска» обдумывала его вторжение, Ласковин повернулся спиной и элегантно скинул ей на руки потрясающий голландский плащ. «Киска» машинально приняла одежду и пристроила на вешалку, легко бы вписавшуюся в интерьер любого секс-шопа. Тем временем в коридоре возникла еще одна персона. Нечто тощее и лохматое, неопределенного пола. Ласковин смерил «нечто» взглядом, прикидывая: не Данилова ли младшая? Предусмотрительный отец даже не потрудился захватить с собой фотографию. Нет, решил, старовата для доцентовой дочки. Но...

Наклонясь к маленькому ушку «киски», прошептал:

– Ежели мой клифт какая сука попортит или, хуже того, скиздит, я эту вешалку тебе в жопку запихну, сладкая. Поняла? – и нежно погладил встрепанные волосенки.

«Киска» уставилась на него, как домовой на призрак Тер-

минатора.

– Ну-ну, я же не злой,— успокоил ее Ласковин.— Я добрый и богатый. Давай, веди к хозяину.

– Но он болеет! – пискнула «киска».— Сима, скажи Мастеру, к нему пришли.

«Нечто» молча повернулось и ухромало по коридору.

Десять секунд тишины, а потом мужской голос очень громко и очень лаконично послал всех на три буквы.

– Вот видите,— прошептала «киска».— Придется...

– Придется! – кивнул Ласковин и пошел на звук.

Пинком открыв дверь – «нечто» в ужасе шарахнулось в сторону,— Андрей узрел просторную полутемную комнату, богатырских размеров кровать и возлежавшее на ней тело. Мрачная обитель. Черные и красные свечи. Африканские маски. Цепи. Набор кнутов. Даже натуральный, старинной работы кистень. Для особо искушенных, видимо.

– Что за еш твою мать? – взревело, приподнимаясь, тело Димы-Мастера.— Какого...

Андрей пересек комнату, взялся за тяжелые плотные шторы и хорошенько дернул. Дождем посыпались кольца и крючки. Вырванная с мясом гардина с грохотом обрушилась вниз. Дневной свет проник в комнату, озарив бледную костлявую физиономию оккультиста.

Ласковин, прищурившись, оглядел Диму-Мастера.

– Ты это кому вякаешь, козел? – осведомился он.

– Тебе! – бесстрашно заявил оккультист.— Знаешь, кто я?

У-йу!

Это Ласковин с подобающей черному поясу быстротой оказался рядом, взял оккультиста за шевелюру и выдернул из постельки.

– Ты мудака, – проникновенно сообщил он Диме-Мастеру. – Я ж тебя за поганый язык по частям в унитаз спущу.

Уронил оккультиста на кровать и тут увидел нечто, вызвавшее у него неудержимый хохот.

Дима-Мастер от пояса и ниже был гол. Но не совсем. Мужское достоинство его представляло из себя внушительный куколь из бинтов и белых пластмассовых пластинок.

Андрей ржал до слез. Не мог остановиться. А бледный оккультист постепенно превращался в бордового оккультиста.

– Ты что, экстрасекс, член наращиваешь? – сквозь смех проговорил Ласковин.

– Нет, – мрачно сказал Дима-Мастер, превратившийся из господина inferнальных сфер в обычного обиженного мужика. – Нормальный у меня член. Просто укусили.

– Кто? – спросил Ласковин, опускаясь на великанью кровать и переводя дух. – Бультерьер?

– Послушница, – буркнул оккультист.

– Ни хрена себе! – искренне произнес Андрей. – Познакомь. Круто! Волчица!

– Крокодил! – сердито изрек Дима-Мастер. – Чуть кровью не истек.

– Ну извини, мужик, – изобразив раскаянье, сказал Ласко-

вин.— Я ж не знал, что у тебя такая беда. Стоять-то будет?

— Хрен знает,— грустно сказал оккультист.— Должен.

— Беда,— с сочувствием произнес Ласковин. И, работая на имидж:— Вот у моего кореша похожий случай был...

И сымпровизировал историю про братка на зоне и собаку Жучку.

Конец у истории вышел печальный. Отвалившийся.

— Ты зачем пришел? — угрюмо спросил оккультист.— Сказали же, болею, не работаю.

— Да на хрен мне твоя работа? — удивился Ласковин.— Я за бабой пришел. Отдашь?

— Да забери хоть всех! — с тоской сказал Дима-Мастер.— Затрахали. Травой весь дом провоняли. Ползают... как клопы.

— Ее Викой зовут. Здесь она?

— Да, наверное. Поищи сам.

Андрей поднялся.

— Может тебе мужика прислать, повесить? — кивнул в сторону развороченного карниза.

— Не надо. Послушник сделает. Да уйди ты наконец! — закричал он.— Достал, честное слово!

— Ладно. Поправляйся.

Ласковин вышел в коридор. Представив, каково Диме-Мастеру в его нынешнем положении созерцать весь этот хренисаж на стенках, Андрей улыбнулся.

«Нечто» околачивалось под дверью.

– Девушка Вика. Где? – спросил Ласковин.

«Нечто» молча похилияло по коридору (апартаменты у Димы-Мастера – дай Бог всякому), пихнуло соответствующую дверь. В комнатке, примерно в десятую часть спальни Димы-Мастера, обнаружили две девчущки. Одна, высунув язык, старательно вырезала на толстой черной коже будущего бумажника. Вторая, в наушниках, подергивая головой в такт неслышной музыке, читала некую машинописную рукопись.

«Нечто» молча указало на меломанку.

Ласковин подошел. Сдвинул наушники.

– Данилова?

Девушка кивнула.

– Бери вещички и пошли.

– Куда? – безразлично спросила девушка.

– А тебе не все равно?

– Ты кто? – в глазках проснулся интерес. – Не из наших, да?

– Это точно.

Встала, подтянула штанишки.

– Пошли, – сказала с готовностью.

«Ох, и огорчу же я тебя», – подумал Ласковин.

Он не ошибся.

Глава третья

Господин Мичиков, преуспевающий коммерсант, расстегнул ширинку и с наслаждением пустил струю в фаянсовую пасть. Хорошо. Все хорошо. Дела хорошо. Девочки хорошо. Водочка, ух хороша! «Ах, варьете, варьете, шум в голове...»

За мурлыканьем струи, уходящей в белоснежный зев, за приятными мыслями господин Мичиков не услышал, как в чистенький туалет ресторана «У Манежа» вошли еще два господина. А третий почему-то остался снаружи, прикрыв дверь и прислонившись к ней широкой спиной.

Два господина встали справа и слева от Мичикова, но расстегивать штаны не стали.

— Здорово, алкаш,— сказал один из них, Василий Пятиралов, ласково именуемый друзьями «Вагоновоз».

Мичиков глянул — и враз сбледнул с лица.

— Чё не здоровкаешься? — спросил Пятиралов.— Язык проглотил?

И сунул коммерсанту поддых.

Мичиков отпал в руки второго господина, а тот, взявши Мичикова за реддеющую шевелюру, деловито окунул его личиком в писсуар.

— Покаж,— бросил Василий напарнику через пару минут.

Тот разогнул Мичикова и продемонстрировал Пятиралову мокрую перепуганную физиономию коммерсанта.

– Ну, что видишь? – поинтересовался Василий. – Херово тебе?

Мичиков пробормотал нечто согласное.

– Не, – расплывшись в широкой улыбке, заявил Вагоновоз. – Это еще не!

И несильно ткнул коммерсанта в нос. Кровь в два ручья хлынула на белую манишку.

Василий извлек из кармашка Мичикова носовой платок, промокнул заботливо юшку.

– Денежки брал? – осведомился Василий ласково. – А отдавать, значит, дядя Федя будет?

– Вагоновоз, шухер, – негромко предупредил напарник.

Пятиралов обернулся и обнаружил позади субъекта в синей замызганной униформе и совершенно безобразной шапочке, надвинутой на самые брови. Щеки и подбородок субъекта заросли двухнедельной щетиной; короче, вид – самый ханыжный.

Пятиралов умом не блистал, но соображал быстро. Как и полагается мастеру спорта по боксу в тяжелом весе. И прикинул: если ханурик вошел в дверь, значит, друган, оставленный на стреме, его не остановил. А если не остановил, значит, не смог, а если не смог...

Кулак Пятиралова пушечным ядром метнулся в голову субъекта.

Пок! – голова самого Пятиралова дернулась назад, а затылок выплеснулся в лицо Мичикова.

Коммерсант сдавленно пискнул.

– Отпусти его,– негромко приказал субъект.

Напарник Вагоновоза выпустил коммерсанта. Мичиков и лишенный мозгов Пятиралов повалились на пол почти одновременно.

Глазок глушителя уставился на дружка Пятиралова.

– Бумажник,– коротко бросил субъект, протягивая левую руку.

– Счас, мужик, мигом, полная спокуха,– быстро забормотал напарник Вагоновоза, сунул руку за пазуху... и выдернул пистолет. Так и так не жить!

Пок!

Рука пятираловского дружка переломилась в локте, пистолет лязгнул о кафед.

Пок!

Еще одна порция мозгов расплескалась по стене.

Субъект поднял пистолет и опустил в карман, затем достал бумажник убитого и отправил туда же. Аналогичную операцию проделал над телом Вагоновоза.

Мичиков взирал на человека в синей спецовке мутными от ужаса глазами.

«Застрелит,– лихорадочно думал он.– Наверняка застрелит. Свидетель».

Убийца остановился над ним. Вид у Мичикова был непрезентабельный. Средний человек сблевал бы от этого вида в шесть секунд. Но убийца, вероятно, привык.

– Бумажник, – спокойно сказал он.

Будь у Мичикова пистолет (и смелость в придачу), он бы наверняка последовал примеру пятираловского друга и враз рассчитался бы со всеми долгами. Но пистолета не было, и коммерсант дрожащей рукой протянул убийце бумажник.

Человек опустил его в карман, туда же уронил пистолет и, ни слова не сказав, покинул помещение. Три минуты спустя Мичиков вышел из туалета, перешагнул через третий труп и явил свой забрызганный кровью и мозгами лик достойнейшей «уманежной» публике.

Три часа спустя, умытый и переодетый, он давал показания.

Убийцу он не описал. Сказал: не видел, поскольку лежал мордой вниз. Береженого Бог бережет. И долг Мичиков отдал на следующий же день. Что, впрочем, не вернуло ему удачи. Через пять дней сильно обезображенный труп коммерсанта прибило к берегу неподалеку от Лисьего Носа.

– Спортсмен? Это Абрек. С тебя причитается.

– Узнал? – обрадовался Андрей. – Кто?

– Ты не поверишь.

– Кто?

– Нет уж, приезжай. Хочу видеть твою физиономию.

Тротуар перед входом в фирму был так густо заставлен машинами, что Ласковин сумел приткнуться только за углом. Вывеска тоже сменилась. Появилась приписка. «Рослаг-

банк. Обмен валюты. 2 этаж».

И охранник у входа, немедленно притормозивший Ласковина.

– Куда?

– В «Шлем».

– Зачем?

– Работаю там, – начиная сердиться, сказал Андрей.

– Что-то я тебя не помню. Оружие, газовое, огнестрельное, средства самозащиты? Предъявить.

Андрей подавил искушение «предъявить». Ои-цки в честь.

– Вон телеком, – ткнул он. – Позвони и скажи: Ласковин пришел.

Абрек спустился лично.

– Ты что ж, жопа, сотрудников моих не пускаешь? – рыкнул он.

– Откуда ж я знаю, что сотрудник? – возразил охранник. – Он же не предъявил.

– Посмотри на него внимательно, – Абрек взял охранника за загривок и развернул в нужном направлении. – Это Спортсмен. Запомни и заруби на носу. – И подмигнул Ласковину. – Страна должна знать своих героев! Пошли.

Ласковина он сразу повел в кабинет.

– Потом, успеете еще, – бросил он Фариде и курьеру Славе, желавшим пообщаться с Андреем.

– Ну? – спросил Андрей, когда Абрек запер дверь.

– Сядь.

– Кто?

– Гришавин.

И целую минуту любовался произведенным эффектом.

– Точно? – недоверчиво уточнил Андрей.

– Сто процентов. У меня брательник осенью откинулся.

Теперь у Гриши в охране. Желаеть подробности? Тогда слушай...

– Кого на место Берестова поставим? – спросил Гришавин. – Идеи есть?

– Хрен знает? Может, Ермолу? – предложил Короед.

– Не пойдет. Исполнитель. Вот Корвет бы подошел. Да, жаль человека. Как не вовремя умер.

– Я тут кинишко видел, – сказал Короед. – Про призраков. И там все в точности, как с Корветом. Призрак понимаешь, такой. За сердце – хап. И концы. Ни хрена. Никаких следов. Пока его один экстрасенс не прижучил.

Голая чернявая девка убирала со стола. Короед покосился на нее и вдруг ловко щипнул за интим.

Девка шлепнула гостя по руке.

– Не лапай, – недовольно пробурчал Гришавин. – Она тут не для егзды, а для дизайну. Ты лучше проясни насчет Корвета. Только не надо двигать про призраков. Может, тебе кассету воткнуть, где этот Спортсмен Хана мочит? Призрак, бля!

– Да видел я! – отмахнулся Короед. – Как раз та тема. Пом-

нишь, как он его башкой вниз киданул? Человек так не может.

– Человек все может,— наставительно произнес Гришавин.— Я читал: один мужик на хребте четвертьтонный сейф пер полкилометра.

– Написать всякое можно! – Короед пренебрежительно махнул рукой.— Я сам, бывало, такое для прокурора писал!

– Призрак, бя! – повторил Гришавин с прежней интонацией.— А Берестов с ребятами?

– А при чем Спортсмен? Его ж там не было. Алиби – сто процентов. Он в это время того доктора-целителя мочил. В порядке самозащиты! – Короед хихикнул.— И маслину схлопотал. Ты ж сам проверял. Причем, мусора – без вопросов. Обоюдная разборка. Виноватых нет, одни трупки.

– Не верю,— покачал головой Гришавин.— А без вопросов, потому что упрочено. Мной. Ты хоть видел, как Берестов стрелял?

– Ну.

– С завязанными глазами, бя, в колокольчик.

– Ну.

– Гну! Ствол у него в руке нашли. И обойма наполовину полная. А убили его руками!

– Да не было там Спортсмена!

– Не верю! Баба – его, так? Теперь слушай меня, как оно было. Подвалили наши. И левые. Схватились. Наши замочили тех. А потом пришел он. Положил наших, сам – в тачку

и лепить отмазку. Похоже?

– Ну, вроде того... – не слишком уверенно проговорил Короед.

– Такой кадр! – с завистью произнес Гришавин. – Вот кого я бы вместо Берестова поставил.

– Ну?

– Но – сомнительный, не рискну... – огорченно сказал «крестный тобольский папа». – Что-то свербит в селезенке.

– Тогда надо мочить, – уверенно заявил Короед. – За Берестова. За Корвета.

– Корвет под вопросом, – возразил Гришавин. – Это первое. Второе: кто мочить будет? Если он даже Берестова шлепнул, можно сказать, мимоходом.

– Тоже проблема! – фыркнул Короед. – Хошь организую? У Мухаммеда есть девка-эстонка. Из СВД за километр хрен у мухи отстрелит. Насчет Корвета тоже могу проверить. Колдун есть один. Должника мне искал.

– Не кизди. Серьезный разговор.

– Так нашел же, бя! Конкретный колдун, рабочий! Хошь приведу? Дай ему фотографию Корвета, он тебе все обскажет.

– Да чушь это! – без прежней уверенности пробурчал «крестный папа». – А, хрен с ним, веди!

– А эстонка?

– С ней повремени. Успеем.

– Вот такая тема, – Абрек развалился в кресле, крайне до-

вольный собой.

– А дальше? – спросил Андрей, напротив, весьма обеспокоенный.

– Дальше еще веселее. Короед привел колдуна. Прикинь, Андрюха, бывший второй секретарь райкома КПСС – и колдун! Круто, да?

– Давай, не тяни! – нетерпеливо воскликнул Ласковин.

– Спокойно, кореш, на тот свет не опоздаем! – Абрек загоготал, но потом смиростивился: – Ладно, поехали дальше. Колдун этот как зыркнул на фотку Корвета, так сразу заявил: «Этот человек умер неправильно!» Каково? Умер неправильно! Андрюха, скажи как другу: ты его положил? Спокойно! У меня «жучков» нет!

– Я, – признал Ласковин. – А Берестова – нет.

– Ну, про Берестова это Гришкины заморочки. Я ж тебя знаю: не настолько ты хитрожопый, чтобы алиби стряпать. На хрен тебе алиби с такой мастью! Короче! Вякнул колдун насчет «неправильно умер», – Абрек снова хохотнул. – И пожелал взглянуть на тебя. Фотки у них не было, воткнули твой бой с Ханом. И тут... – Абрек сделал драматическую паузу. – Колдуна чуть дристу не пробрал! Приссал, в натуре! И попытался по-тихому свалить. Это от Гриши! От него свалишь, бя! Взял экстрасенса за вымя и выжал... – Абрек сделал драматическую паузу, – ...что тебя лучше не трогать. Потому как можно киздюлей огрести немерено! Брательник так понял: ты – супер! Покруче любого колдуна, если кто возна-

мерится тебя за мягкое пощупать. Что, прав колдунец? – он с интересом поглядел на Ласковина.

Тот пожал плечами.

– Ну, короче, Гриша въехал, – продолжил Абрек. – Въехал и проникся. Решил: с тобой лучше вась-вась. А мозга у него как работает? Однозначно. Или мочить, или купить. Заправил тебе бабки и, как я понимаю, озадачил Короеда, чтобы тот вроде как по пьяни брательника моего просветил. А брательник – меня. А я – тебя. Вот уж кто хитрожопый, так это Гриша! Зелень ты взял, значит, без обид. Тем более не до тебя сейчас Грише. Кто-то бычков его мочканул. В кабаке. Да так аккуратненько, что концов не осталось. Не слыхал?

– Не я, – ухмыльнулся Андрей.

– Ясное дело. Ты ж все больше ручками шалишь, а там – маслинки.

Неподалеку от угла Клинского и Серпуховской остановились две автомашины: неуклюжая краснозадая «вольва» и гладкий, облизанный, словно тюлень, «форд». Из «форда» вышли двое крепких ребят и без суеты уселись на заднее сидение «вольвы». Обменялись настороженными приветствиями. Затем от пассажиров «форда» к пассажирам «вольвы» перекочевал коричневый кейс объемом примерно на пять бутылок водки.

Сидевший рядом с водителем открыл кейс, заглянул... и прикрыл его, удовлетворенный.

– Комплект, – сообщил он водителю.

В это время некто поскребся в правую переднюю дверь. Державший кейс поднял голову и обнаружил заглядывающего в окошко грязного мужика в оранжевой безрукавке дорожного рабочего.

– Здоров, – сказал мужик и открыл дверцу.

От такой наглости опешили все четверо. Первым опомнился тот, кто держал кейс.

– Офуел? – поинтересовался он. – Куда прешь?

И примерился дать борзоте по чавке... Но передумал. Потому что увидел в руках мужика два очень весомых аргумента.

– Ну, козлы... – злобно сказал парень с кейсом.

– Это не мы, – возразил один из пассажиров «форда» напряженным голосом. – Ты, кореш, с гранатой-то поосторожнее. Обращаться умеешь?

– Обучен! – отрезал «кореш». – Портфельчик открой.

– Ты, земляк, понимаешь, что делаешь? – поинтересовался сидевший справа от водителя. – Ты врубаешься, что с тобой будет?

Вместо ответа обладатель оранжевой безрукавки нажал на спуск пистолета. Громкий хлопок, удар пули – и в кейсе образовалось аккуратное отверстие.

Державший чемоданчик стал бледен, как алебастр. Очень осторожно он сдвинул кейс и обнаружил, что пуля вошла в сидение, чуть-чуть не задев его мужских достоинств. Но была очень близка к тому, чтобы задеть.

Сразу став покладистым, парень открыл кейс.

Внутри лежали банковские упаковки стодолларовых купюр. Больше ничего.

– Стволы сюда,– распорядился экспроприатор.

С завидной быстротой два пистолета и один револьвер переместились из кобур хозяев в простреленный кейс.

– Ты? – зрачок пистолета глянул на водителя.

– У меня нет,– ответил тот.– Можешь обыскать.

– Ключи от машины,– потребовал экспроприатор.

Затем сунул пистолет за пояс, схватил соседа водилы за руку и шлепнул ему в ладонь гранату.

– Держи крепче,– посоветовал обладатель оранжевой безрукавки.

Подхватил кейс и побежал по Клинскому.

Ограбленным потребовалось секунд двадцать, чтобы разобраться с гранатой и пуститься в погоню. Но единственной их добычей оказались три бабы и один мужик в аналогичных оранжевых безрукавках, рывшие канаву поперек Бронницкой. Мужика сгоряча дали в рыло, но ни ему, ни опростоволосившимся «бойцам» от этого легче не стало.

Глава четвертая

– Это закрытый просмотр, – сказала Наташа. – Только приглашенные. В любом случае это престижно. И в потенциале шесть недель в Калифорнии. Отпустишь?

– А куда я денусь! – улыбнулся Андрей. – Развлекусь тут, пока тебя не будет!

– Ну да! Ты же теперь выдающийся освободитель похищенных дочек! – Наташа рассмеялась.

– Всего-то двух! – возмутился Андрей. – Причем вторая – форменная замарашка.

– А тебе и обидно?

– А как же. Смокинг надеть?

– Не обязательно.

Андрей припарковался у «Октябрьского», галантно помог Наташе выйти.

– Какие будут указания? – спросил он.

– А никаких. Провожу тебя в зал, сиди и смотри. Смотри, да не засматривайся. Там такие девушки...

– Ты – лучше всех! – Андрей чмокнул ее в щеку.

Через служебный прошли на второй этаж, к гримерным.

– Мне сюда, – сообщила Наташа, обнаружив свою фамилию на одной из дверей. – Пойдем, я тебя в зал провожу.

– Да ладно, – отмахнулся Андрей. – Переодевайся, сам найду.

Наташа чмокнула его в щеку и упорхнула.

Ласковин без труда отыскал лестницу, спустился вниз и оказался за кулисами. Поглядел-послушал, как под мат-перемат монтируют декорации, затем спустился в зал.

Народу оказалось человек двадцать. Перед первым рядом, за столом под красной бархатной скатертью – высокое жюри.

Андрей поднялся чуть подальше, сел с краю, ряду на десятом. Цветные пятна бегали по фиолетовому заднику сцены. Вскипала и опадала музыка.

«Хороший сегодня день», – подумал Ласковин.

С утра он съездил к Смушко, отдал половину Гришавинских денег. На реабилитационный центр. Второй экземпляр заблудшей дочки, извлеченный им из-под черного крылышка дедки-йожки «С-вами-на-хер-харь-чего-то-там», оказался невменяемым. Бубнил самодельные мантры, дергая чернявой головенкой, и на внешние раздражители реагировал слабо. По совету папы экземпляр свезли на Ваську, в клинику, там чего-то вкололи, однако, как выразился дядя доктор, «случай типичный, но сложный». Иначе говоря, отечественная психиатрия «установку снимает» с трудом. Разве что ножки «установке» перешибет. Все же из слов задроченного жизнью эскулапа явствовало: специалисты есть. И как раз в отечественной психиатрии. Специалисты есть, а вот денег нет. Ласковин воспринял это, как намек. Ошибся. Эскулап денежку отверг... с сожалением. Есть спецы, но он, увы, не из них.

Итог: Ласковин отправился к Смушко, изложил ситуацию. Резюмировал: «Ты, Григорий Степаныч, меня в это доброе дело втянул, тебе его и развивать».

«Добро,— не стал спорить Смушко.— Разовьем. Батюшке понравится».

Имелся в виду почивший отец Егорий, а не новый попик, самолично подысканный Смушко для общины. Впрочем, попик — грубое слово. Отец Александр, хоть и молодой, а с пониманием. И, что особенно нравилось Смушко, спиртное не употреблял совершенно. Но до Потмакова, увы, новому общинному пастырю далеко. Посему вел себя Григорий Степаныч так, словно его духовный наставник и не умер вовсе. И казалось иногда Ласковину: так оно и есть.

«Батюшке понравится». Вот и хорошо.

В зале появились еще трое гостей. Спонсоры, судя по загравкам. Вокруг них тут же заплясал на цирлах длинноногий мужчина в смокинге, повел, тараторя, на почетные места. Спонсоры важно поздоровались за руку с членами жюри: с подвижным, как сперматозоид, пожилым мальчиком, с остриженной чуть ли не под ноль костлявой теткой и еще с одной теткой, жирной и длинноволосой, щедро украшенной колье, кольцами и бородавками.

Гости уселись. Один тут же забубнил в две «трубы» сразу, двое вступили в беседу с обильной жестикуляцией.

Распорядитель в смокинге сцапал микрофон, посмотрел вопросительно на спонсоров. Ему благосклонно кивнули.

– СВЕТ! НАЧАЛИ! – изрек распорядитель поставленным баритоном.

Первой на сцену выпорхнула гибкая девчушка и завертелась юлой под железное уханье фонограммы.

Андрею она не приглянулась. Зато вторая, беленькая, сплясала замечательно. Потом пошел серяк. Как говаривал Шилей, правда, по другому поводу: «Дрыгоножество и рукомашество». Ну и попковерчение, разумеется. А потом вышла Наташа и показала класс. Даже новорусы притихли. Даже пожилой мальчик из жюри соизволил лапками похлопать. Андрей был горд необычайно. Не понравилось только, что участниц не объявляли как положено. Распорядитель вальяжно гудел в микрофон:

– Следующая!

Как на приеме у врача.

Последняя оттанцевала. Зажегся свет. Распорядитель нацелился за кулисы, но упитанный новорус поманил пальчиком – и тот подбежал с поспешностью вышколенной таксы. Вернее, добермана, учитывая смокинг и изящное телосложение. Ласковин усмехнулся, вспомнив «очень престижное жюри». Ну ладно, подумал, спонсоры есть спонсоры. Наташи это не касается.

Минут через десять из-за кулис выпорхнула стайка девушек. Лощеный «доберман» устремился к ним и, взяв двоих за локоток, принялся что-то вещать, кивая на обладатель «дельт». Девушки, похоже, были не в восторге... и что-

то было не так. Андрей сидел слишком далеко, чтобы слышать разговор, но от нечего делать решил «прокачать» ситуацию. Тем более что одной из двух была беленькая, которая ему понравилась. Через полминуты он понял, в чем несообразность. Если «очень престижное жюри» просто прокатило этих двоих, то доминирующей эмоцией должно быть огорчение, может, обида. Но не страх.

Психологическую практику Ласковина прервало появление Наташи. Андрей поднялся... И тут между ними возник распорядитель. Оставив беленькую и ее подружку, он устремился к Наташе, перехватил ее на полпути и, взяв под руку с не понравившейся Ласковину фамильярностью, начал что-то втолковывать. Улыбка еще пару мгновений держалась на губах Наташи, потом лицо ее напряглось, она резко освободила локоть и пошла к Андрею.

– Какие-то проблемы? – спросил он, коснувшись губами ее щеки.

– Так, ерунда! – Наташа тряхнула головой. – Как я танцевала?

– Потрясающе! Если тебе не дадут гран-при, они просто слепые. Отпразднуем?

– Где?

– Выбирай сама... Эй, в чем дело?

По проходу с решимостью на мордастой физиономии топал новорус в алом бархатном пиджаке.

Ласковин машинально шагнул вперед, чтобы оказаться

между ним и Наташей. От новоруса на три метра перло агрессией.

– Вы ко мне? – с подчеркнутой вежливостью поинтересовался Ласковин.

– На хер ты мне сдался! – буркнул обладатель «дельты» и бархатного пиджака, обдав Андрея запахом хорошего одеколona.

И попытался обойти. Но не хватало квалификации.

– Ты куда это намылилась, подруга?

Ласковин даже не сразу въехал, что мордастый обращает к Наташе. Та сообразила раньше.

– Андрей, не надо! – быстро сказала она.

Ласковин вырубил бы новоруса мизинцем, но, вспомнив, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, пожал плечами и просто пояснил с той же подчеркнутой вежливостью:

– Она уходит. Со мной. Что-то не так?

Новорус уставился на Ласковина, оценил и сделал заявление.

– Не так! На сегодня все проплачено! Вали, мужик, пока ноги целы!

Андрей медленно вдохнул и выдохнул. Но промолчал.

Однако мордастый его сдержанность не оценил и, поскольку Ласковин все еще загораживал Наташу, а весом уступал раза в полтора, новорус перстнястой лапой взял его за грудки.

Андрей и тут повел себя сдержанно. Просто зафиксировал цапучую лапу, повернул на 180 градусов и согнул под неприятным углом. Колени мордастого, деревянно стукнув, соприкоснулись с полом, а сам он издал богатое обертонами мычание и перешел к непосредственным угрозам. Ласковин угрозы воспринимал однозначно, потому чуть присел, отчего кисть мордастого выгнулась еще на пару градусов.

– Ты, мудака! Руку сломаешь! – завопил новорус, цепляясь свободной рукой за ногу Ласковина.

– Сломаю, – хладнокровно согласился Андрей. – Лучше не стоит!

Последнее относилось к приятелям мордастого, вознамерившимся вмешаться.

Приятели, впрочем, в драку рвались не особо. Один уже бубнил в трубку, должно быть, вызывал «службу безопасности». За их спинами, стена и охая, приплясывал распорядитель.

Ласковин взял коленопреклоненного за чуб.

– Это моя девушка, – произнес он, проникновенно глядя в налившиеся кровью глазки. – Моя! Заруби это на носу, дурилка, или останешься без носа, понял?

– Ну, понял, понял! – пропыхтел мордастый. – Пусти, слышь!

– Вот и хорошо, – одобрил Ласковин. И отпустил. Даже на ноги поставил, взявши за бархатный пиджачок.

– Ну ты резкий! – Новорус ощупал запястье: цело ли? –

Чьих будешь?

– Своих,— сказал Андрей.

Ситуация показалась ему до отвращения знакомой. Де-жа-вю, как говорят француженки.

– А я тебя узнал! – Тот, что звонил по телефону, вдруг расплылся улыбкой.— Точняк! Ты – Спортсмен. Точно, бля, пардон, мадам,— это Наташе,— я ж видел, как ты Хана завалял! Ну ты зверь! Туча! – Он пихнул локтем мордастого.— Мы ж вместе были! Да хорош тебе руку оглаживать! Радуйся, что вообще не оторвали!

Мордастый глядел на Ласковина, как дворовый кобель, обнаруживший в собственной будке матерого волчару. А приятель его уже совал лопатистую ладонь.

– Кирикеров Иван!

– Андрей! – Ласковин машинально пожал руку.

И обменялся рукопожатиями с остальными. Тем временем Кирикеров, раскрыв телефон, давал отбой зондеркоманде.

– Надо обмыть,— заявил он.— Не каждый день с таким человеком знакомишься. Эй, педагог,— бросил он распорядителю,— третью телку сам подбери. Скажи: пусть подмоются и ждут, скоро поедем!

– Ты бы сразу насчет нее предупредил,— укорил мордастый Ласковина.— А то ведь не знали.

– Теперь знаете,— сказал Андрей.

– Нет вопросов! Спортсмен! Ну ты понимаешь! – Кирике-

ров Иван так и лучился от удовольствия.— Это,— он огляделся, обнаружил распорядителя,— ты давай в буфет, организуй нам водочки и закусончик на скорую.

Как ни отнекивался Ласковин, «обмыва» избежать не удалось. Впрочем, опрокинув по стопке, господа новорусы откланялись.

— Я понятия не имела о... подтексте,— огорченно проговорила Наташа, когда они вышли на улицу.— Слышала, конечно, о таком, но не сталкивалась.

— Тебе просто везло,— усмехнулся Андрей.— Но теперь это уже не твои проблемы. Запомни только, чья ты девушка, и не забудь сообщить об этом, если что.

— Андрей... я не хочу быть «чьей-то девушкой»,— серьезно сказала Наташа.

— Даже моей?

— Да.

Ласковин нахмурился.

— Почему?

— Это унижительно.

— Ты думаешь, мне нравится быть Спортсменом? — резко спросил Ласковин.— Но это жизнь. И эти жирные рыла — тоже жизнь, и нам придется их принять!

— Раньше ты говорил иначе,— грустно заметила Наташа.

— Раньше... погоди! Что там происходит?

Распрощавшись с приятелем, два «спонсора» подошли к черному гладкому «Скорпио».

– Ух, я б ей вжарил! – процедил Туча и сплюнул.

– А Спортсмен тебе очко начетверо, – ухмыльнулся Иван Кирикеров. – Не, братан, тяни свою блонду, и без понтов.

Пиликнула сигнализация, открылись замки на дверцах «форда».

– Тачку надо менять, – озабоченно изрек Туча. – Не могу, бя, неделю на одной поезжу и все. Надо менять.

– А я... – начал Иван, но его перебили.

– Слышь, мужик, подари косарь!

Сбоку обнаружился ханурик в брезентухе. Шмонило от него, как от парашаи.

– Это ты кого – мужиком? – напрягся Туча.

– Спокуха, братан, – вмешался Кирикеров. – Это ж мусор. Чуешь, как воняет? Ну давай, кажи свою ксиву!

– Как скажешь, – согласился ханурик.

И продемонстрировал весьма внушительный пистолет.

– Деньги, кабан, – холодно бросил он. – Вот умница! И цепочку... на память. Очень хорошо. А теперь ты.

– Ты покойник! – прошипел Туча, красный, как вареная свекла.

– Ты это Ван Дамму скажи, – ханурик оказался не без чувства юмора. – А я считаю до двух. Раз...

– На, пидор, подавись! – Туча швырнул бумажник на асфальт.

– Подними.

– Отсоси!

– Раз...

– А за ще...

Звук не громче щелчка пальцами. Лязг отыгравшего затвора. На левой стороне бархатного пиджака образовалась черная дырочка, а сам хозяин пиджака медленно сполз на землю и утвердился у колеса машины, которую ему уже никогда не поменять.

– Подними, – велел убийца второму.

Тот не стал искушать судьбу. Но когда ханурик, уронив бумажник в карман, повернулся спиной, Кирикеров быстро сунул руку за пазуху.

Пф-ф! – и, отброшенный на капот, он соскользнул вниз, навсегда забыв о мести, а убийца быстро, но без излишней торопливости, зашагал в сторону Суворовского. Так спокойно, будто не сомневался: никто на площади перед «Октябрьским» не заметил происшедшего.

– Круто, – пробормотал Андрей, провожая взглядом сутулую спину в брезентухе. Сразу вспомнился помоечный плащик и ожидание пули. Только этот, похоже, пули не боялся. Если это заказуха, то выполнена она довольно странно. Как-то... нагло.

– Что он с ними сделал? – шепотом спросила Наташа.

Вместо ответа Ласковин потянул ее за руку.

– Пошли отсюда.

С нашей ментовни станется: повесят на него этих жмуриков – Ростик не отмажет. Тем более Андрей на крючке после

прошлогодных игрищ.

— Мы ничего не видели,— сказал он, когда сели в машину.— Ничего не видели и ничего не знаем, ясно? — Сунул в рот пластинку «Орбита», чтоб отбить запах проглоченной стопки.

Наташа кивнула.

Праздновать они не поехали. Какой уж тут праздник?

А «престижное жюри» Наташу прокатило. Что, впрочем, ее даже порадовало.

Глава пятая

Представительный мужчина расхаживал по комнате, тиская в потной руке телефон. Упитанный ротвейлер суетился вокруг, путаясь под ногами. Хозяин то и дело сердито отпихивал его ногой.

– Геннадий Витальевич! – оскорбленным тоном говорил мужчина. – Я не могу позволить, чтобы меня грабили.

– А я, – пробубнила трубка, – не могу перетрясти весь рабочий класс Ленинграда только потому, что вам этого захотелось! И я не понимаю, на чем базируется ваша уверенность, что грабитель – не переодетый боевик конкурента?

– На моем чутье, – сердито буркнул мужчина и пнул ротвейлера в бок. – На моем носе.

– Нет, – сказала трубка.

– Что нет? – переспросил мужчина.

– Нет, это значит, что ни мое ведомство, ни я сам, ни мои смежники не станем заниматься глупостями. Однозначно.

– Вы мне не верите! – воскликнул мужчина.

– Вам – верю. Вам, но не в вашего рабочего-террориста. – Возразила трубка. – Могу возместить ущерб.

– Обойдусь, – проворчал мужчина. – Всего хорошего, Геннадий Витальевич! Кинули нас, – грустно сообщил он ротвейлеру. – Ну и хрен с ним! Гулечка! – крикнул он. – Как там покушать? Мы с Козырем кушать хотим!

– Коз-зел! – со вкусом произнес Чума, швырнул трубку и добавил что-то по-своему, выругался.

– Шифер? – уточнил Васек.

– Ну! Коз-зел!

– Бабки по новой требует?

Чума, играя желваками, популярно объяснил, куда и каким образом может идти Шифер.

– Ко мне тоже подъезжал, – поделился Васек. – Но я не лох. Взял, значит, взял.

И киздец.

– Во! – воскликнул Чума. – В цвет. Как будто один Шифер дурь толкает! Как будто я, в натуре, поставщика не найду!

– В шесть секунд, – согласился Васек. – И подешевле возмешь. Но мне интересно, кто ж это рискнул здоровьем на нас наехать? Любопытно мне.

– Вот и займись, – сказал Чума. – Побазарь с кем надо. Так дела не делают.

– Опять те же пульки, – заявил майор Чувало, протянув коллеге акт экспертизы. – Характернейший почерк.

– Восемь плюс два получается десять, – произвел блестящий арифметический расчет его коллега. – Профессионал.

– Профессионал, который пользуется одним и тем же стволом? – усомнился Чувало.

– Ствол – минус, – согласился собеседник, тоже майор, но

с более прозаической фамилией Иванов.— Отсутствие свидетелей — плюс. Точность стрельбы — тоже плюс. Прикинь, ни одного лишнего выстрела.

— Неверно,— возразил Чувало.— У двоих — ранение в руку.

— Еще один плюс! — с удовольствием произнес Иванов.— В обоих случаях убитые пытались использовать оружие.

— Резонно,— кивнул Чувало.— Свидетелей нет. Собаки след не берут. Кладет аккуратно, как хирург, и только бандитов. Служба?

— Сомнительно,— проговорил его собеседник, поморщившись, потер колено.

— Болит? — участливо спросил Чувало.

Два дня назад Иванов получил бытовую травму — упал с лестницы на мосту. А днем раньше в него стрелял из обрезав напавшийся азер — и промахнулся с пяти шагов. Второсортное счастье.

— Угу... Слишком разнокалиберная дичь. Семь пешек, два бригадира и только один чуть повыше рангом. К тому же все из разных группировок.

— Псих?

— Вот это похоже. Может, прокачать?

— По дуркам? — удивился Иванов.— Шутишь?

— А какие варианты?

— Подождем. Это же серийка.

— А статистика?

— А ты когда последний раз премию в руках держал?

– И то верно, – согласился Чувало.

«И он стал похож на пустой квадрат,
Но смеялся чаще, чем год назад,
Отпустил усы и крепко спал по ночам.
Он не думал о ней, он играл в футбол,
И играл на флейте. Он был – орел.
Но когда она улыбалась – всегда молчал.

Он истер подошвами свой предел,
Он извел себя, но остался цел
И вполне доволен без малого шесть недель.
А потом в стене появилась дверь,
И оттуда выпрыгнул рыжий зверь
И сказал: «Пойдем. Нам нужно поймать
форель».

И они пошли. И пришли к мосту.
И ловили рыбу, но всё не ту.
И лежало солнце на черных макушках гор.
И тянулось утро, как теплый воск.
И входило лезвие в рыбий мозг,
И сочились запахи, вязкие, как кагор.

Зверь, балуясь, лапой сбивал укроп,
Выгибался, бархатный морщил лоб,
Окунался мордой в прыгучую плоть воды,
И ревел, рывком разевая пасть.
И шалея, рыба хватала снасть

И взлетала – радугой в радужный влажный
дым.

И цвела под пальцами рыба́я плоть,
А ему казалось, что он – Господь.
Он взбивал ногой леденящую пену дна
И все длил и длил бесконечный день...
Даже зверь, умаясь, улегся в тень.
А спустя столетье из пены возшла она.

И швырнула галькой в его блесну.
Он взглянул на зверя, но зверь уснул.
Он взглянул на солнце – и то поползло
в зенит.
А она, смеясь, выгрызала мед
Из пчелиных лапок. «Не спи! Возьмет!»
И тотчас меж пальцами вниз побежала нить.

«Ах какая рыба! Ты дашь мне... часть?»
Тут у зверя чуть приоткрылась пасть.
Он взглянул на щель, из которой текла вода,
И поднялся, хрустнув коленом. «Дам».
Улыбнулся мокрым своим следам
И взошел на мост.
Она же осталась там».

Андрей украдкой потрогал верхнюю губу. Нет, усов он
вроде не отпускаял.

– Ты решил: это о тебе? – Наташа улыбнулась и отложила

гитару.

– А разве нет?

– А разве да?

Она кошкой прыгнула ему на грудь, опрокинула на диван (Андрей не сопротивлялся), щелкнула ровными зубками:

– Р-р-р! А может, это про меня?

Руки Андрея нырнули под ее свитер.

– Мр-р-р, – мурлыкнула Наташа. – Нечестно!

– Я – охотник, – напомнил Андрей.

– Был. – Девушка ловко вывернулась из его рук, соскользнула на ковер, к изголовью.

– Есть! – Андрей выщелкнул уракен вправо – погасил свечу.

– Пижон, – прошептала Наташа.

– А хоть бы и так.

Он толкнулся спиной, перевернулся в воздухе и упал на ковер, рядом.

– Я – тигр! – Уткнулся лицом в упругий живот, прихватил зубами кожу. – М-м-м! Наташка, ты самый лучший деликатес в моей жизни!

– Это потому, что я тебя люблю, дурачок! Иди сюда, дай мне твои губы!

– Нечего! Я – хищник! А ты – моя добыча!

– Ты глупый волчонок... Молнию не сломай! Андре-е-ей!

– Зверь укрощен, – сообщил он, когда полчаса спустя они перебрались на диван. – Делай с ним, что хочешь.

– Скажи, как ты меня любишь?

– Я от тебя шизею! Наташка, ты мой ангел-хранитель!

– Да, – согласилась она. – Это правда... Охотник.

Запах конского пота ударил в ноздри. Лицо – к жесткой гриве, ветер – где-то над головой. И внизу, впереди – серое узкое тело, мелькающее в траве, петляющее между кустами, рыскающее из стороны в сторону.

– Ну давай, добрый, давай! – кричал Андрей в мохнатое конское ухо. – Давай!

Конь стелился над травой, птицей летел-парил над змей-зверем. Настиг, обошел, серый метнулся в сторону, из-под копыт...

– И-и-я-о-ха-а! – нечеловеческий визг исторгся из груди Андрея.

Так конь кричит, вставая на дыбы, чтобы обрушиться на соперника.

Ах, как он прыгнул! На скаку, вниз, земля – прямо в лицо!

– И-и-я-а-о-ха-а!

Прямо на серое змеиное тело!

Ха! Глухой удар, хруст костей, нечеловеческий вопль боли. Покатались по земле, клубком, колени сдавливают горячие бока, как только что – бока скакуна, руки клещами вцепились в острые уши.

– Йа-а-а!

Остановились. Андрей – внизу, серое – сверху. Пыль. За-

пах пота. Запах раздавленной зелени. Саднящая боль в спине... И выворачивающееся из рук, оборачивающееся: из узкой серой морды – в узкое личико с большим ртом и огромными, шальными, пьянящими глазами. Волосы, удлиняясь на глазах, упали на лицо, мертвая серая шерсть осыпала щеки и бороду. Твердое, как дерево, зажатое между коленями тело зверя – упругое, гладкокожее, обжигающее даже сквозь холст.

– Ты ошибся, охотник... – ночной шепот, неуместный под сияющим оком Отца-Солнца.

Маленькие женские пальчики (черные крючья когтей – отмершие – потерялись в траве) – на потной мужской шее. Желание, жажда, боль – нестерпимы. Выворачивают, выгибают. Податливое тело, приникающее к самому естеству, сведенные судорогой колени разжимаются...

– Ты ошибся...

Рука, его рука соскальзывает вниз, ищет...

– Нет! Нет!

Визг, вопль, неверие, ужас в огромных, черных, как ночные озера, глазах – и знакомый хруст ножа, разрывающего плоть, живот, внутренности.

Андрей рывком сбрасывает с себя вспоротое от паха до грудины тело. Зияющая серая рана – ни крови, ни вони рассеченных кишок. Наступив ногой на мягкую женскую грудь, выдернув из ножен короткий прямой меч, он напрочь отсекает маленькую прекрасную головку.

Длинные волосы, запутавшиеся в траве, огромные глаза, полные слез.

– Ты ошибся, охотник...

Огромные встревоженные глаза.

– Опять, да?

Андрей встряхнул головой, отгоняя сон. Он все еще видел стремительно убегаящее назад разнотравье и серую тень, струящуюся меж желтых и белых полевых цветов.

– Плохое, да? – Теплые ладони, поддерживающие его голову. – Уже прошло, Андрюша, ты уже проснулся, успокойся.

Наташа никогда не спрашивала, что ему снится. Понимала.

– Да, – согласился Ласковин. – Прошло.

Закрыв глаза и подумал:

«Вот и кончилась спокойная жизнь».

Глава шестая

В гостиной присутствие отца Егория ощущалось почти физически. Дело даже не в обстановке. Вот он, Андрей, вот Смушко, а отец Егорий... там, за дверью. Которую не открыть.

– Помнишь, Андрюша, как он к бандитам поехал тебя выручать? Как ты водку пить отказывался?

Сейчас, когда они остались вдвоем, Григорий Степанович опять казался прежним, домашним, уютным. Как колобок. Но переменялся Смушко. Высох. Душой высох. Посуровел. Словно от покойного наставника строгость унаследовал.

– Помню, – кивнул Ласковин.

Он тоже изменился. Себя, тогдашнего, с собой, теперешним, даже и не сравнивал. Жил такой парень...

– Дело наше движается, – сказал Степаныч. – Отвел в больничке две коечки. Специалиста нашел. Кандидат медицинских наук. Бесплатно готов работать.

– За идею?

– За материал.

Ласковин хмыкнул.

– За лекарства, – уточнил Смушко.

– А почему койки две? – удивился Ласковин.

Он-то помнил: первая «спасенная» в лечении не нуждалась. В хорошей порке – это да.

Смушко хитренько подмигнул.

– Слава твоя растет и ширится.

Тут в гостиную вошел отец Александр, и Смушко замолчал. Нового общинного пастыря Григорий Степанович в дела не посвящал. Считал, ни к чему.

Поздоровались. Отец Александр, лохматый, круглощекий, с заметным брюшком, хотя года на два моложе Андрея. К Ласковину относился осторожно. Как бы даже с опаской, но разговаривал уважительно. Он со всеми разговаривал уважительно, глядя в глаза. Добрый, внимательный пастырь. Тихий. Эх, отец Егорий, отец Егорий!

– Там к вам пришли, Григорий Степанович. Из СМУ.

– Пусть подождут. Передайте им, отец Александр, если не затруднит.

– Нисколько.

Вышел.

– Так, говорю, слава твоя растет и ширится.

– Еще кого-то вытаскивать надо? – догадался Андрей.

– Поможешь?

– А куда я денусь? Излагайте.

Смушко изложил. По его словам выходило – мелочь. Не «организация», а так, мелкая астральная лавочка.

– Сделаем, – кивнул он.

– Вот и ладушки. Кушать будешь?

– Когда я отказывался? – улыбнулся Андрей.

– Павел Васильевич?

Павел Васильевич Губанок вздрогнул от неожиданности, но тут же расслабился. Это был тот, кого он ждал.

– Вы Андрей Александрович?

Кивок.

– Сядем в машину? – предложил Губанок.

– Да. Но в мою. Я полагаю, так будет лучше.

– Как скажете.

И Губанок двинулся следом за молодым человеком в темно-сером элегантном плаще, ломая голову, как же тот ухитрился подойти незамеченным. Хотя ответ на этот вопрос не имел ровно никакого значения.

Новая черная «Ауди-А4» – не ровня Губанковской «девятке». Но это тоже не имело значения.

– Куда мы едем? – спросил Губанок.

– К вашей дочери.

– Но... я... – Павел Васильевич не ожидал, что все произойдет так быстро. – Может, нам имеет смысл подготовиться?

Собеседник повернулся к нему. Он был лет на двадцать младше Губанка, но один взгляд – и Павел Васильевич почувствовал себя подростком.

– Не беспокойтесь, – заверил Андрей Александрович. – Мы приедем, заберем вашу дочь и уедем.

– А если она не захочет?

– Это не имеет значения.

– Но она – совершеннолетняя и...

– Я сказал: это не имеет значения.— Андрей Александрович улыбнулся, повернул ключ, и «ауди» мягко тронулась.

– Это на углу Измайловского и Восьмой Красноармейской,— пояснил Павел Васильевич.— Во дворе.

– Вы там были?

– Да,— мрачно сказал Губанок.— Но в квартиру меня не пустили. Там такой...

– Неважно.— Собеседник усмехнулся, видно, вспомнив что-то.

Ехали вдоль Обводного в общем потоке. Ехали не очень-то быстро, но Губанку казалось — они летят.

Поворот, еще один, и Андрей Александрович припарковался у нужной арки.

– У вас есть оружие? — спросил он.

Губанок молча протянул ему газовый пистолет.

– В помещении не годится,— сказал хозяин «ауди» и спрятал пистолет в бардачке.— Пойдемте, Павел Васильевич.

Захламленный двор-колодец. Пока шли, перед ними, буквально у них под ногами, сдвинулась крышка канализационного люка, вылез работяга в брезентухе, обдал вонью. Губанок отшатнулся, пропуская «канализационного», Андрей Александрович даже шага не сбавил. Сначала. А потом вдруг приостановился, посмотрел работяге вслед и нахмурился...

– Что-то не так? — озаботился Павел Васильевич, тоже останавливаясь.

– Ничего. Неважно.

Грязный подъезд, пропитанный запахом мочи, унылые стены... и новенькие стальные двери в каждой третьей квартире. Но та дверь, которая им была нужна, оказалась обычной.

– Что от меня требуется? – спросил Губанок.

– Ничего. Просто войдете со мной... и уйдете. Вы – свисток.

– Понял.— Павел Васильевич облизнул пересохшие губы и вынул руки из карманов.

Его спутник нажал кнопку звонка.

Им пришлось подождать пару минут, потом дверь открылась. На пороге стоял детина в спортивном костюме с пузырящимися коленями и перхотью на плечах. Дитина был на несколько сантиметров выше Губанка и на полголовы выше его спутника.

Взгляд открывшего дверь безразлично скользнул по Андрею Александровичу, а вот на Губанке остановился.

– Опять пришел? – скривил губы дитина.— Я ж тебе...

– Проходите, Павел Васильевич,— спутник Губанка пропустил его вперед и сам перешагнул порог.

В этот момент дитина с невнятным мычанием обрушил на Губанка кулак. Павел Васильевич зажмурился...

Но боли не было. Когда он открыл глаза, то обнаружил, что дитина лежит поперек коридора брюхом кверху и драть-ся уже не расположен.

– Идите за мной,— скомандовал Андрей Александрович,

переступил через лежащую на полу тушу, и Губанок, не без опаски, последовал за ним.

В большой комнате вповалку лежали человек десять. Мужчины, женщины, двое детей. Губанок даже не сразу узнал собственную дочь, настолько похожими казались лица обитателей квартиры.

– Алла! – Павел Васильевич бросился к ней... и застыл, буквально замороженный равнодушным взглядом дочери.

Алла смотрела на него, как на чужого.

– Ты меня... не узнаешь? – дрогнувшим голосом спросил Губанок

– Зачем ты пришел, папа? – равнодушно сказала Алла. – Ты – черный. Тебе здесь не место.

Губанок, ошарашенный, беззвучно открывал и закрывал рот, пока Андрей Александрович не привел его в чувство, похлопав по плечу.

– Это она?

Губанок кивнул.

– Пойдем, – велел Андрей Александрович Алле, но девушка проворно отползла к стене.

– Она не пойдет, – сказал Губанок

Ласковин промолчал. Он ждал. И дождался.

Забурчала вода в туалете, бухнула дверь, и вместе с облаком вони, отпихнув Губанка, в комнату ворвалась низенькая толстая женщина с кукишем на макушке и в юбке, которую из эстетических соображений следовало бы сделать длиннее.

– И-и-и! Ты-ы-ы! Прочь! Прочь! – завопила тетка, словно ей прищемили палец.

И комично запрыгала вокруг Ласковина. Тот стоял с каменным лицом, абсолютно неподвижный. Обитатели комнаты зашевелились, оживились, как слепые щенки, почуявшие мать.

Губанок удивленно взирал на приземистую бабу – в его голове не укладывалось, чем это такое чучело смогло приманить его образованную и чистоплотную дочь.

– Э-э... мадам... – выдавил он.

Тетка мгновенно развернулась.

– Дьявол! – взвизгнула она, тыча в Павла Васильевича коротким пальцем. – Сгинь!

Тут Губанка пробрало до костей. Он побелел и попятился. Толстая неопрятная тетка буквально окатила его ужасом. Он и хотел бы убежать, да ноги не слушались.

«Гипноз», – подумал Павел Васильевич.

Но легче ему не стало. Губанок бросил на Ласковина отчаянный взгляд... И сразу полегчало. Андрей Александрович улыбался. Уверенно, спокойно.

– Не кричи, – негромко посоветовал он. – Горло сорвешь. Голос его звучал совершенно искренне.

Тетка подскочила на месте и, забыв о существовании Губанка, росмахой кинулась на Ласковина.

Поток брани выплеснулся из ее рта, как прокисшее пиво из откупоренной бутылки.

Ласковин молчал. Улыбался. Доброжелательно.

Губанок достал платок и вытер вспотевшее лицо. Признаться, он ожидал от своего спутника совершенно другого поведения. Страх прошел, и теперь только неприятная слабость да липнущая к спине рубашка напоминали о пережитом ужасе.

А Ласковин улыбался. Мягко, сострадательно. Как улыбается взрослый, глядя на рассердившегося ребенка.

Тетка осеклась. Плечи ее затряслись, пальцы впились в жирную грудь. Губанок услышал клекочущий хрип, а затем увидел, как тетка медленно осела на пол и так же медленно повалилась набок.

Один из находившихся в комнате мужчин дернулся было к ней, но Ласковин погрозил пальцем, и энтузиаст остался на месте.

– Пойдем, – сказал Андрей Александрович Алле, чьи глаза стали абсолютно круглыми.

К удивлению Губанка, дочь, не прекословя, встала и двинулась за Ласковиным. А за ней, замыкающим, пошел сам Павел Васильевич.

«Как она похудела», – подумал он, глядя на истончившиеся икры Аллы.

Перешагнув через тушу «привратника», они покинули «обитель».

В машине Ласковин сразу взялся за телефон.

– Ростик, – сказал он в трубку. – Запиши адресок.

И продиктовал адрес квартиры, где они побывали. И, отвечая на вопрос:

– Мелочь. Травка, возвращение несовершеннолетних, что найдете. Да, по моей части. Нет, пальцем не тронул. Будь.

Сложил трубку, завел машину.

Губанок сидел сзади, рядом с дочерью. Он чувствовал ее тепло, хотелось обнять девочку, утешить... но Павел Васильевич не решался.

– Куда теперь? – спросил он.

Ласковин протянул через плечо карточку с адресом.

– Реабилитационный центр, – объяснил он. – Для таких, как ваша дочь. Вы кем работаете?

– Программист. В фирме.

– Зарабатываете хорошо?

– Прилично. – И, уловив намек: – Сколько я должен?

– На карточке, внизу, расчетный счет. Переведете, сколько сможете.

– Конечно, конечно, – проговорил Губанок. – А сколько я должен лично вам, Андрей Александрович?

– Мне – ничего.

Ласковин прибавил газа, и «ауди» запетляла между машинами.

«Рискованно водит», – подумал Губанок. Эта мысль показалась ему забавной.

– Андрей Александрович, – спросил он через некоторое время, – а что вы сделали с... этой?

– Я? – Губанок услышал короткий смешок. – Я – ничего. Переволновалась немного. Бывает, верно?

– Ну как? – поинтересовалась Наташа. – Выручил?

– А как же, – без особого воодушевления ответил Андрей.

– А почему такой задумчивый? Что-то случилось?

– Да нет, ничего особенного.

Верно, ничего особенного. Просто работяга, который вылез из канализации, очень уж напоминал мужика, положившего новорусов у «Октябрьского».

«Для того, кто видит, случайных встреч не бывает», – говаривал Слава Зимородинский.

А для того, кто не видит?

Этого Андрей не знал. Потому что видел редко.

А между тем всего лишь десять минут назад, когда Ласковин входил в подъезд, навстречу ему попались двое мужчин, на которых его сэнсэй точно обратил бы внимание. Тогда как проникнутый уверенностью в собственной крутизне Андрей прошел мимо, не взглянув. И напрасно. Если охотник становится дичью, все еще полагая себя охотником, обычно от него остается только кучка обглоданных костей и дюжина несъедобных предметов, вроде часов и бронзовых пуговиц.

– Этот? – сказал младший из двоих.

Скорее утверждение, чем вопрос.

– Да.

– Могуч.

– Силен, – поправил старший.

– Берем? – напряженно спросил младший, глядя в черную дыру подъезда.

Брови старшего сдвинулись. Две мохнатые гусеницы под мощным голым лбом.

– Нет. Не время.

Младший кивнул. С облегчением. Медведя можно убить кухонным ножом. Но лучше это сделать, когда медведь спит.

Глава седьмая

День у Альбины Сергеевны Растоцкой выдался отвратительный. Поставщик опять задержал партию кожи, а неустойку из него хрен вытрясешь, потому что госпредприятие. Штатный хахаль Симочка совсем оборзел и на работу заявился аж к двум, хотя нужен был срочно: компьютер совершенно взбесился – дизайнер матерился так, что у окружающих уши дымились. А Симочке – хоть бы хны.

«Гнать его пинками,– подумала Альбина.– И из фирмы, и из постели».

Вдобавок разболелся лицевой, или как там его, нерв. Это значит, если разойдется всерьез, к завтраму рожу, как пить дать, перекосит. А это просто труба, потому что рожа Альбины нужна позарез. Канадский старпер, как она подозревает, выбрал ее из четырех кандидатов исключительно по внешним данным. Слава Богу, ложиться под него не придется: даже в Канаде семьдесят с хвостиком – возраст небоеспособный. Может, отложить встречу на послезавтра? Блин! А послезавтра – «стрелка» у замголовы по льготе. И тоже мордашка нужна, как воздух!

Альбина Сергеевна сжала брелок, привычно мявкнула сигнализация. Двери открылись, и Альбина плюхнулась на водительское место, еще раз помянув недобрым словом хахалю Симочку, который ухитрился наглотаться водяры, ко-

гда она уже отпустила шофера.

Включив двигатель, Альбина опустила стекло и закурила. Мерный рокот мотора успокаивал. Альбина Сергеевна погладила обшитую деревом панель. Определенно, эта игрушка стоит вложенных денег.

«Ну, поехали»,— сказала Альбина сама себе, и импортная тачка, расплескивая широкими протекторами русскую грязь, покатила к арке.

— Блин!

Альбина вжала педаль тормоза в пол — какой-то урод выскочил прямо под колеса, проехался лапами по капоту и побежал дальше. Гегемон хренов!

Альбина распахнула дверцу и дала волю дурному настроению.

— Мудак! Псих! — закричала она вслед.

Гегемон резко остановился.

Ну и рожа!

— Ты что, псих, придурок? Жить надоело?

Гегемон шагнул к ней, и шестое чувство подсказало Альбине: надо валить. Точно, псих.

Альбина Сергеевна захлопнула дверцу. Не то чтобы она испугалась (газовый пистолет — в бардачке), но как-то...

Когда она взялась за руль, гегемон уже втиснулся между машиной и стеной и схватился грязной лапой за дверцу — Альбина забыла поднять стекло.

«Ну, сам нарвался!» — подумала Альбина и полезла за пи-

столетом.

Рука ее остановилась на полпути. Прямо перед ее лицом оказалось широченное лезвие неимоверного ножа. Огромного, с зазубринами, сверкающего так, что Альбина увидела в нем свое отражение. Как в зеркале.

Противная слабость охватила ее. Будь это примитивная заточка или что-нибудь кухонное, Альбина бы так не перепугалась. Но это украденное из американского боевика чудовище настолько не вязалось с посконной рожей русского бомжа-алкаша-гегемона... Мысли Альбины превратились в желе с красными прожилками ужаса.

А гегемон тем временем по-хозяйски распечатал заднюю дверь и плюхнулся грязной жопой на бордовый плюш. Страшный тесак теперь оказался под подбородком Альбины, и она вдруг поняла: одно движение – и ее горло будет перерезано.

«Сейчас описаюсь», – подумала Альбина.

– Поехали, – спокойно сказал устроившийся у нее за спиной.

– Убери нож, – чуть слышно проговорила Альбина Сергею.

И, к ее удивлению, страшное лезвие исчезло.

Трясущейся рукой Альбина потянулась к пачке с сигаретами.

– Потом покуришь! Поехали, быстро! – голос хлестнул по ушам, как удар.

– Я не смогу вести машину! – вяло запротестовала Альбина.

– Сможешь!

И она действительно смогла.

Двор был глухой, заваленный мусором. Колодец.

– Ну, что дальше? – спросила Альбина. – Теперь можно закурить?

– Кури, – разрешил он.

– И что дальше? – повторила Альбина, затянувшись. – Насиловать будешь или просто ограбишь? Имей в виду, наличных у меня немного.

Станный гегемон молчал, и Альбина чуть успокоилась. Она почти уверилась, что это не псих, а значит, просто так убивать не будет.

– Слушай, а ты и впрямь мог бы меня зарезать этим своим кинжалом? – поинтересовалась она почти кокетливо. – Зарезать женщину...

– Ты покурила? – отрывисто бросил он. – Выходи из машины.

«Угонит, – подумала Альбина. – Ну и ладно. Найдут потом. Или страховку получу».

Во всей истории была и приятная сторона. Проклятый нерв перестал болеть. Как отрезало.

Женщина вышла из машины. К ее удивлению, захватчик сделал то же самое. Он оказался высоким, выше Альбины, хотя каблуки на ее сапогах – двенадцать сантиметров.

– Дай ногу,– приказал он.

– Что?

– Ногу подними!

«Все-таки маньяк»,– с опаской подумала Альбина.

– Живо!

Альбина выполнила команду, опершись рукой на капот.

– Выше!

Странный человек крепко схватил ее за лодыжку... и уда-
ром кулака отломил каблук.

– Зачем? – воскликнула женщина.

– Вторую!

Необычное состояние охватило Альбину Сергеевну.
Словно она спит или пьяна в хлам.

Страшный тесак вновь появился в руках мужчины. Но
на сей раз незнакомец не стал пугать им Альбину, а поддел
крышку канализационного люка.

– Вниз!

И Альбина послушно полезла в дыру. Ржавые петли сту-
пенек покрывала плесень, но все чувства женщины, в том
числе и безгливость, атрофировались.

Внизу, к ее изумлению, оказалось сухо. Сухо, темно и
страшно воняло гнилью.

Тело похитителя закрыло круглый глаз люка, лязгнула
крышка. Белый луч фонаря прорезал черноту.

Мужчина бесцеремонно схватил Альбину за ворот.

– Вперед! – скомандовал он, толкая ее перед собой.

Неестественно яркий луч фонаря бил под ноги. Какие-то сучки похрустывали под подошвами. Идти в обескаблученных сапогах было непривычно.

– Стой!

Альбина остановилась, прислонилась к стене, совершенно не думая о том, что замазает костюм. До костюма ли?

Похититель ковырялся в огромном железном ящике, куда червями сползались по стене какие-то трубки.

– Надевай!

Он протянул Альбине огромного размера резиновые штаны с приваренными к ним черными калошами.

Сам он очень быстро натянул на себя аналогичные, надел куртку из того же бледно-зеленого материала с похожими на ласты перчатками, застегнул несколько ремешков.

– Шевелись, твою мать! – прикрикнул на Альбину, застывшую с резиновыми штанами в руках.

И, не ограничившись окриком, стал помогать. Совместными усилиями костюм был надет. Похититель повесил на плечо Альбины резиновый увесистый мешок.

– Марш!

Идти в подобном прикиде оказалось страшно неудобно, но похититель все время подталкивал в спину. Альбина топтала огромными калошами белый круг света и старалась ни о чем не думать. Ей это удавалось.

Вонь усиливалась.

– Стой!

Похититель развязал мешок и выудил шлемный противогаз без трубки. Фильтрующая коробка торчала наподобие свиного рыла.

– Надевай!

Сам он, содрав с головы и запихнув за пазуху подшлемник, тоже нацепил противогаз, накинул поверх капюшон резиновой куртки.

Альбина последовала его примеру. Обращаться с противогазом она умела. Со школьных энвэпэшных времен. Со всем нетрудно, тем более что волосы короткие.

Похититель проверил, все ли в порядке, натянул на голову Альбины капюшон, застегнул.

– Марш!

Голос его стал почти неразборчивым, но это слово Альбина уже успела запомнить.

Под ногами захлюпало. Дышать было трудно, воздух со свистом втягивался сквозь клапаны. Похититель больше не подгонял Альбину. Но и без того ей приходилось несладко. Они шли по колено в какой-то жиже, затем – в липкой жирной грязи. Стекла противогаза запотели, но это было и к лучшему. Если бы Альбина могла в подробностях разглядеть, по чему они идут, ее бы наверняка стошнило прямо в противогаз.

Альбина споткнулась, но мужчина успел подхватить ее.

– Лестница! – крикнул он, посветив вверх.

Альбина увидела бетонные ступеньки, поднимающиеся из

черного месива.

Похититель бесцеремонно подталкивал ее снизу, под зад, но женщина была ему даже благодарна. Ноги стали ватными, кровь стучала в висках, Альбина задыхалась...

Лестница кончилась, и Альбина бессильно опустилась на бетон. Ей было все равно, где она, и что с ней будет. Сил совсем не осталось.

Струя воды ударила в спину, едва не опрокинув. Похититель, светя фонарем, поливал ее из шланга до тех пор, пока стекавшая с Альбины вода не стала прозрачной.

– Раздевайся! – скомандовал он, но Альбина продолжала безучастно сидеть на бетонном полу. Пусть убивает, если хочет.

Мужчина не стал ее убивать, сам снял с Альбины защитное снаряжение. Подхватив женщину под руку, потащил куда-то в темноту. Альбина вяло переставляла ноги.

Железная овальная дверь с ручкой-штурвалом. Как на сейфе у нее в кабинете, только побольше.

Похититель прислонил Альбину к стене, повозился немного, и поток света хлынул на бетон. Но у Альбины не оказалось времени, чтобы оглядеться. Бесцеремонно сграбастав за французский пиджачок, похититель пихнул ее в открывшуюся дверь, затем во вторую, такую же, после чего позволил женщине осесть на покрытый линолеумом пол.

Альбина тупо смотрела, как он запирает двери, щелкает какими-то выключателями. Потом вдруг обнаружила, что

зубы ее выбивают дробь.

Похититель мельком глянул на нее, повесил на стенку ватник, снял бронежилет (Альбина даже не удивилась тому, что на нем оказался бронежилет) и сунул ей в руки плоскую бутылку.

– Пей!

Альбина механически глотнула. Где-то на доньшке мозга отметилось: хороший бренди. Но горлу и языку было все равно. Важно, что исчез, наконец, резиновый привкус, и по телу растеклось знакомое тепло.

Похититель открыл еще одну дверь.

– Вперед!

Очень просторно и очень светло. Слишком просторно и слишком светло для места, затерянного в подземной требухе города. Альбина, щурясь, потрогала бетонную шероховатую стену. Настоящая. А то уж было подумала, что глюк пошел. Свет, простор, бетон... и дорогуший ковер под ногами. Вишневый такой, с цветочным орнаментом. Может, все-таки крыша едет?

Альбина машинально сделала глоток. И еще один.

«Этак я напьюсь,– подумала безучастно.– Ну и напьюсь, какая разница?»

«Гуп-гуп» резиновых огромных сапог. Явился не запылился. Похититель хренов. Однако, видок. Рожа – как по дерьму возили. Волосья дыбом.

«Дать ему бутылкой по башке, что ли? – рассеянно спро-

сила себя Альбина.— А и верно. Я же могу!»

Точно. Зря она, что ли, второй год айкидо занимается почти индивидуально? Где его ножище-то? Вроде нету.

«Ну, так-растак, я тебя сейчас!» — свирепо пообещала Альбина и, запихнув бутылку в карман пиджачка, встала в стойку.

Похититель поглядел на нее с некоторым удивлением. Хотя, что под этими разводами грязи разберешь?

— Ну врежь мне, врежь! — со свирепым азартом потребовала Альбина.

Похититель усмехнулся. Не ударил, а просто взял двумя пальцами за подбородок.

«Ну так на тебе!»

Отработанным движением Альбина поймала руку, вывела назад, под локоть, прихватив мизинец и безымянный похитителя. Вывернуть, дожать, зафиксировать...

«Сейчас ты у меня запищишь!» — мстительно подумала женщина.

Но похититель не запищал. И не ткнулся носом в пол. Он просто сжал руку в кулак и спокойно выпрямился. И теперь уже пальцы Альбины оказались в капкане. Он смотрел на нее сверху вниз, и женщина осознала: если он сожмет кулак по-настоящему, ее собственные пальчики захрустят, как чипсы на зубах.

— Я хочу, чтобы ты запомнила, мадам Джиу-джитсу...

— Айкидо! — пискнула Альбина.

«Зачем?»

– Хорошо, мадам Айкидо, – не стал спорить похититель. – Запомни накрепко: без меня ты не выйдешь отсюда никогда.

И, отпустив руку Альбины, пошел в дальний конец подземного зала – «гуп-гуп» мокрых резиновых сапог по дорожному ковру.

Баюкая отдавленные пальцы, Альбина постепенно осознала смысл его слов. И, как ни странно, почувствовала облегчение. Выходит, он, в конце концов, собирается ее отпустить?

Альбина наконец согрелась. И не только от бренди и движений. В зале было тепло. Еще бы! Если через каждые пять шагов по электронагревателю. Десятка два, не меньше. Маленькие дорогие игрушки.

Альбина разулась (ходить в сапогах с отломанными каблуками крайне неудобно) и отправилась изучать разбойничью берлогу, поскольку сам разбойник куда-то пропал. Берлога была благоустроенная. С видеодвойкой и музыкальным центром. И с целым ящиком сидюшек к последнему. Богато живет, однако. Вот только мебели никакой. Что-то вроде кровати без ножек, полдюжины разбросанных в беспорядке диванных подушек. Турок он, что ли? Или японец? Куда же он все-таки подевался?

Альбина дошла до конца зала и обнаружила коридорчик-закуток. И две занавески: клеенчатую и соломенную, с деревом и журавлем. Из-за клеенчатой слышался шум воды. Моется, значит? Альбина сунулась за соломенную. Кухонь-

ка. Электропечка, микроволновка, целых три холодильничка и морозилка – все миниатюрные, игрушечные. И ящики с консервами. Столько, что хватит на небольшой магазинчик. Спиртное. Да, круто живет бомж.

Ничего не тронув (кто знает, как к этому отнесется хозяин?), Альбина вернулась в зал.

Не нужно особого ума, чтобы сообразить: «бомжик»-то непростой. И на заказуху не похоже. Сколько он с нее спросит? Тонн пять она отстегнет без проблем, а вот больше... Блин горелый! Если он не отпустит ее завтра, если полетит контракт с канадцем, она потеряет вдесятеро больше! Самой, что ли, бабки предложить? Мысль такая и раньше мелькала. Разница в том, что обычному замызганному пролетарию и полштуки зеленых – выше крыши. А такому... С его вкусами – Альбина покосилась на бутыл «черного» «уокера». А если все-таки маньяк?

У Альбины внутри все похолодело.

И тут похититель появился собственной персоной. Нет, не турок. Натуральная славянская физиономия. По-своему симпатичная даже. И сложен как надо: легко убедиться, потому что голый до пояса. А ниже пояса – в штанах. Что особенно приятно.

«Маньяки так себя не ведут», – подумала женщина.

Впрочем, что она знает о маньяках? Только из газет и киношек. К счастью.

– Есть хочешь, мадам Айкидо? – совсем по-домашнему

спросил похититель, растираясь ярко-синим полотенцем с белыми пальмами.

– Меня зовут Альбина, – сердито отрезала она. – А как тебя зовут? Мистер Кун-фу?

«Что я делаю? – ужаснулась. – Я же не должна его раздражать!»

– Вошь², – сказал похититель.

– Что? – опешила Альбина.

– Ты спросила, как меня зовут, красавица? – Он метнул полотенце в стену и ловко попал на крючок. – Меня зовут Вошь.

– А... по имени?

– Имени, Альбина, у меня нет.

Он повернулся к ней спиной и наклонился над музыкальным центром. На мускулистой спине – четыре дырки, четыре безобразных шрама по диагонали, от поясицы к правой лопатке.

Заиграла музыка. Что-то старинное. Клавесин.

– Пиццу будешь? – будничным голосом спросил похититель.

² Автор приносит извинения за то, что, вопреки правилам грамматики, Вошь, здесь и далее, слово мужского рода.

Глава восьмая

– На,— сказал Васек и сунул в рот девке порцайку икры.

Девка схавала, но глаз не открывала. Ясное дело, два часа смотреть на волосатые Васьковы мудя — стошнит.

– Эх, водочка,— ласково пробормотал Харлей, поставил стопарь в ямку на девкином крестце и кинул в пасть огурчик.

Своеобразно они смотрелись рядом: огромный, белокожий, брюхастый Харлей и тощий, смуглый, весь в мелких шрамах Чума. И роспись на каждом своя. На Харлее — кружки пивные, бабы, мотоциклы, прочая мутотень в три краски. А на Чуме — по-простому. На зоне цветами не балуются.

– Мои,— Чума бросил карты на девкину спину, сгреб баксы.

– Непруха,— хмыкнул Харлей. Без особого, впрочем, огорчения — играли по мелочи.

Пепел с Васьковой сигареты упал на девичью поясицу. Девка дернулась: новенькая. Еще без привычки.

– Стоять, шалава! — прикрикнул Чума, подхватив бутылку «Смирновской» — чуть не упала! — Васек, по делу что скажешь?

– По тому наезд? Скажу, что кто-то в Питере сильно нагрелся. Гришавинских опустили аналогично,— последнее слово Васек произнес смачно, даже языком прищелкнул.— Земляков твоих кавказских, что Горку пасут...

– Еще раз так скажешь, зарежу, – не повышая голоса, предупредил Чума.

– А чё такое? – Васек не сразу врубился, но когда дошло, выругал себя за дурной базар: заземлячить Чуму с армяшками... – Бля буду, Чума, не подумал! Виноват!

– Проехали, – спокойно отмел Чума. – Дальше давай.

– Короче, такой же мужик – батрацкий прикид, шпалер глухой, – у Сидора двоих покоцал. У Гришки – тоже. Вагоновоза положил. Дикий фраер.

– Думаешь? – с сомнением произнес Чума. – А ты, Харлей, что скажешь?

– Ничего. Бомжей мои потрясли, но ничего не вытрясли, кроме вшей. – Здоровяк напрыскал себе водочки, кинул в пасть, зажевал. – На дне всякая тварь водится. Есть такие, что и стрелять умеют. Но не слышно, чтоб кто вдруг поднялся.

– Ищите, – сказал Чума, поглядел на часы. – Пошли, погреемся.

Поднялись. Харлей сгрузил хавку с девкиной спины, хлопнул по задку:

– Смена!

Все трое двинулись в парилку. Девка так и осталась стоять на четвереньках. Затебла.

Ласковин сдвинул наушники, прищурился. Да, практика – великая вещь. Все двадцать пуль легли в пяточок поменьше ладони.

– А ты наострился, – похвалил Митяй.

– Жить захочешь – навостришься.

Они развлекались на задворках пансионата, вот уже два месяца официально принадлежавшего «Шлему». До этого пансионатом владела какая-то фабрика, отчего здание пришло в полное запустение. Ремонт закончили неделю назад. К прежнему строению присовокупили открытый и закрытый бассейны, баньку-теремок и тир. Справляли новоселье. Только свои. Без платных лялек и прочего. Ужрались, конечно. Зато посидели хорошо. С приятствием. А поутру Фарида вручила каждому по бунденсовской таблетке – и никакого отходняка. Класс.

– Пошли, Ласка, покатаемся, – предложил Митяй.

Детский друг Ласковина недавно подарил себе «крузак»: могучую черную махину, смахивающую на маленький танк. Осчастливился.

– Поехали, – согласился Ласковин.

Впрочем, в Солнечном особо не разъездишься. Попылили по поселку, покрутились между государственных дачек, смотались к заливу.

– Ну, зверь, да, зверь? – периодически заявлял Митяй, поворачиваясь к Ласковину.

– Зверь, – соглашался Андрей. Джип пер по песку, как по грунтовке. – Ты на дорогу поглядывай, врежемся.

– Ни хрена, – откликнулся Митяй. – Я на сороковнике в дерево впилился. Дереву – хана, а у него даже железяка не погнулась. Титановая, бля.

– Титановая железяка, – Ласковин усмехнулся. – Три класса образования.

– Дурак, – беззлобно отозвался Митяй. – Хошь организую такую же? Недорого. Новые – за сороковник. Растаможка, все путем. Пять лет всего. Дешево. Тут одна транспортная фирмочка удачно сгорела. Возьмешь? Могу и бакинских подкинуть. До отдачи.

– Спасибо, пока обойдусь.

– Хозяин – барин. А хорошая нынче осень. Сухая.

– Митяй, это чьи хоромы? – заинтересовался Ласковин.

– Это, брат, Свидетели Апокалипсиса обустройстваются.

– Чего свидетели?

– Апокалипсиса. – И пояснил: – Бог у них такой, Апокалипсис.

Ласковин неприлично заржал.

Митяй обиделся.

– Чего гогочешь?

– Апокалипсис – это, брат, книга в Библии. О Конце Света, Страшном Суде.

– Точно, – кивнул Митяй. – Страшный. Помню, плакаты висели. А потом сказали: суд переносится.

Ласковин опять засмеялся.

– Ладно тебе, – буркнул Митяй. – Нормальное дело. Если адвокат хороший. А у этих, верняк, хороший. Бабок море. А какие коттеджи их рабы лепят! Евростиль.

– Рабы?

– Ну. День и ночь пашут. За одну хавку. И водку не жрут, что характерно. Шустрые ребята.

– Что ж тут шустрого? – удивился Андрей. – В рабах-то?

– Не, это я про хозяев. Там у них вроде чухня заправляет. И америкахи. А наши так, на подхвате. Называется – церковь.

– Называется – секта! – сердито поправил Ласковин. – Руки чешутся проверить их на вшивость!

– Рискни, – фыркнул Митяй. – У них охрана покруче, чем у Крепленного была. И еще, говорят, вояки с ними корешатся.

– Точно знаешь?

Митяй пожал плечами:

– Болтает народ. Ну, приехали. Ты, кстати, когда в город?

– К вечеру.

– А я еще на денек останусь. Пошли пожрем, что ли?

Абрек появился около четырех. С дурными новостями. Собрал своих, только мужчин – Фариду и мисс Главбух выставил за дверь.

– Взяли наш груз, – сообщил он.

– Кто, знаешь? – спросил Бухов, «Дед», старожил «Шлема».

– Шифер.

– Ни хрена! – удивился Митяй. – Он же чернушкой промышляет! Клиент чистый?

– Божится, что никакой наркоты в контейнере не было.

– А что было? – встрял туповатый Шест.

– А вот это не твое собачье дело,– ласково сказал Абрек.

– Стрелка? – уточнил Бухов.

– Уже забил.

– Поддержка нужна,– озабоченно произнес Митяй.– У Шифера одних боевых верблюдов десятка три.

– Поддержка будет,– заверил Абрек.– Чума.

– Тю-ю! – воскликнул Шест.– В жопу такую поддержку! Мне такая поддержка без надобности!

– А тебя никто и не спрашивает,– отрезал Абрек.– Закрой ротик и без моей команды больше не открывай. Ясно?

– Ну,– буркнул Шест обиженно.

– Не подстава? – обеспокоился Митяй.

– Если подстава, значит, нас уделают,– Абрек бесшабашно махнул рукой.– Стрелка сегодня. В шесть, на сорок седьмом километре.

– Хорошее место,– одобрил Митяй.– Тихое.

– Угу. Чума поставит троих, от нас – четверо. Я, Дед, Митяй...

– Я пойду,– сказал Ласковин.– Возьмешь?

Долги надо возвращать.

– Без вопросов!

«Вот змей,– подумал Андрей не без восхищения.– Знал ведь!»

– Хвосты вверх, братва, прорвемся! – бодро изрек Абрек.

– С Лаской-то – без вопросов! – Митяй заметно повеселел.– Броник одевать?

– Одевай, одевай,– проворчал Дед.– От стрелки до перестрелки, сам знаешь!

Ласковин бронежилетом побрезговал. Кевлар не всякую пулю держит, а в титановом особо не попрыгаешь – тяжелый. Поехали на Митяевой тачке. Абрек с Дедом шли впереди, на таком же бездорожном монстре. По дороге Ласковин попытался вызнать подробности о других участниках randevu. Из любопытства. Митяй выдал, что знал. Шифер ходил когда-то под Марышевым. После известных событий откололся, выжил и застолбил свой участок. Гонит наркоту из Азии в Питер и дальше. До сих пор не борзел. А вот Чума всегда борзел сверх меры. Зря Абрек с ним законтачил, позвонил бы Гришавину. Гриша, правда, без Берестова часть крутизны потерял. Тут Митяй подмигнул Ласковину.

– Не я это,– сердито сказал Андрей, но старый кореш Коля Митяев не поверил.

Часть крутизны Гришавин потерял, но того, что осталось, на Шифера с лихвой хватит. А Чума – подлец и садист. Лучше со скорпионом корешиться, чем с ним.

– Ты, Ласка, глаз с него не спускай – на любую подлянку способен.

– Присмотрю,– пообещал Андрей.– Не бойся.

– Легко сказать, не бойся,– проворчал Николай.– Если Чума сыграет на пару с Шифером – их будет вдвое против нас.

– Митяй, мы же профессионалы,– укорил Андрей.– Нам ли бояться зэчья?

– Зэк зэку – рознь, – возразил Митяй. – Сам знаешь. Сколько наших попало на зону, когда совки федерацию карате громили.

– Ладно, – поморщился Андрей. – Бог не выдаст, свинья не съест.

Сам-то он не боялся ничего. Орган страха у него атрофировался еще в лешиновские времена. А может, Хан отбил?

Приехали вторыми. На точке уже стоял навороченный «мерс», у которого ошивались трое. Здоровенный амбал с собранными в хвост патлами, весь в коже и железках, блондинистый качок, и высокий смугляк в длиннополом фасонистом пальто.

Митяй затормозил.

– Чума, – сказал он.

– Который?

– Нерусский.

Андрей, впрочем, сам угадал, кто из троицы опасней. Ладно, будем держать.

– Спортсмен? – хвостатый амбал сунулся к Ласковину. – Здоров, братила!

– Здорово, – Андрей снизу вверх поглядел на здоровяка, пытаясь вычислить, каких он мастей. Брюхо на два ящика пива, щетина на роже. Натуральный хряк. На бандюгана, вроде, не похож. Скорее на американского уличного безобразника, каких в кино показывают.

– Харлей я!

Однако!

– Байкер, что ли?

– Ну! – кабанье рыло растянулось в ухмылке. – Видал, видал, как ты его киданул.

– Кого? – удивился Ласковин.

– Да Хана! Молодец! А меня бы смог?

Ласковин промолчал.

– Ну нормально, я-то – покрупней! А ты молодец! – сочно хлопнул Ласковина по спине.

– Харлей, – негромко произнес Чума. – Усохни. Все нормально, Абрек?

– Путем. Ага, едут.

По грунтовке пылил кортеж из трех машин. Разъехались веером, тормознули. Дверцы разом открылись, вывалило человек восемь.

– Шифер, – Митяй показал на одного из вновь прибывших.

– Бля! – с ходу закричал Шифер. – А эта прошмандовка что тут делает? Абрек!

– Ты фильтруй базар, Шифер, – зло бросил коренастый блондин.

Сам Чума промолчал.

– Не, – гаркнул Шифер. – Так порядка не будет. Абрек, что за дела?

– А дела такие, что у меня к тебе претензии. Ты моего клиента вскрыл. Нехорошо.

Абрек шагнул вперед. Быки Шифера тут же подвинулись к главарю, но тот дал отмашку.

– Абрек, – сказал он. – Клиент твой – реально мой. Конкурентов на своей территории я не потерплю.

– Контейнер был чистый, – возразил Абрек.

– Угу, – ухмыльнулся Шифер. – Ханки на шесть косарей.

– У меня другие сведения, – отрезал Абрек.

Чума нехотя отвалился от машины.

– Шифер, – уронил он. – Это был мой товар. Какого хрена ты потянул к нему грабки?

– Вот это вариант! – прошептал Митяй.

– Ах ты козел! – тонким противным голосом выкрикнул Шифер.

Чума дернул из кармана пистолет. Между ним и Шифером стоял Абрек, но это не представляло для Чумы проблемы. Лишний выстрел...

Ласковин опередил его на долю мгновения. Прыжок, захват, удар – рука Чумы хрустнула, переломившись в локте, – и хлесткий сую ребром ладони по горлу. Краем глаза он поймал еще один направленный на него ствол, прыгнул, с переворотом упал на жухлую траву. Пуля прошла над ним и с визгом отрикошетила от бронированного стекла «Мерседеса». Андрей выбросил ногу, подсекая стрелявшего, а когда тот упал, добил мощным ударом в висок, подхватил упавший револьвер, крутнулся на месте... ему никто уже не угрожал. Абрек, хоть и отреагировал с некоторым опозданием, но ши-

феровских «быков» опередил, взял на мушку. Бывалый Дед навел куцый ствол «узи» на компаньонов Чумы.

– Э, ты, слышь, спрячь бульдога,– нервно сказал один из шиферовских.– Зырь, мы ж спокойно стоим.

Пистолета в руке Абрека он не опасался. Потому что у Абрека лицо было д р у г о е.

– Круто,– сипло высказался Харлей.– Ну ты выдал, Спортсмен! Ну ты отморозок!

Ласковин не ответил. Мозг его постепенно переваривал происшедшее.

– Так,– взял инициативу Абрек,– не знаю, какая из двух сук хотела меня грохнуть, но если у кого осталось желание – вперед!

Желания ни у кого не было.

Мокрый, как мышь, Васек судорожно тискал пистолет в кармане пальто. Ребристая рукоять, вопреки обыкновению, не прибавляла уверенности. Однажды Васек уже схлопотал пулю. Выжил. Но страх остался.

Харлей, игнорируя Дедов «узик», подошел к Чуме, наклонился, пощупал шею.

– Вроде чо-то есть,– сообщил он не слишком уверенно.

Митяй шагнул к своей машине, вытянул из-под сиденья «калашников», бросил Абреку. Тот поймал левой рукой, сунув пистолет в карман («узик» Деда переметнулся на шиферовских), щелкнул флажком, устанавливая на огонь очередями, и хладнокровно нажал на спуск. Никто из шиферов-

ских даже дернуться не успел. Пули АК прошли их, одного за другим, аккуратней, чем кладет строчку швейная машинка. Абрек неторопливо двинулся вперед, подошел к каждому и каждому разнес голову, методично сплевывая короткие очереди. Включая Шифера. Таким Ласковин Абрека еще не видел.

Когда директор «Шлема» (автомат на боевом взводе) повернулся к Ваську, тот стоял ни жив, ни мертв. Но Абрек лишь дернул стволом в сторону трупов:

– Загрузите их в машины.

Васек и Харлей поспешно выполнили команду. К ним присоединились Митяй и Дед. Абрек повернулся к Ласковину.

– С меня, – лаконично сказал он.

Андрей махнул рукой: пустое, сочтемся. К мочилову он отнесся равнодушно. Игра идет по бандитским правилам. Абрек их лучше знает.

Трупы перетасили. Абрек швырнул в одну из машин автомат.

– Васек, – позвал Абрек. – И ты, Харлей. К вам претензий нет. Этого, – кивок на лежащего Чуму, – заберите, но... Лопата есть?

– Имеется, – отозвался Харлей.

– Вот и хорошо. Завтра – ко мне в офис. Поговорим. Вы – ребята хорошие, поработаем.

– Бля буду, – выдохнул Васек, захлопнув дверцу «Мерса»

и впервые почувствовав себя в безопасности.— Думал, шлепнет!

— Пронесло? — жизнерадостно спросил Харлей. И, не дожидаясь ответа: — Да, Васек, и меня тоже!

Васек удивленно поглядел на компаньона. Вот уж не похоже было, что тот испугался.

— Давай, газуй,— поторопил Харлей.— Пока он не передумал.

Но здесь, за бронированными дверцами, Васек чувствовал себя куда спокойней.

— Все ништяк,— успокоил он.— Кто братве о крутизне его расскажет, если не мы?

— Думаешь? — протянул Харлей.— А ведь у Шифера кореша остались. Не пойдут против Абрека?

— Против Абрека, может, и рискнули бы,— отозвался Васек.— Но есть еще Спортсмен. И Гриша. Просекаешь?

Грохнуло, когда «мерс» отъехал уже на километр. Харлей глянул через заднее стекло, но пламени не увидел — деревья заслоняли. Васек свернул в лес, остановился.

— Бери жмурика,— велел он и полез в багажник за лопатой. Яму вырыли на совесть, в рост. Благо, земля оказалась рыхлая.

— А ты здорово лопатой орудуешь! — отметил Харлей.

— А то! Шесть лет на кладбище отпахал. До зоны. Скидавай его вниз.

— Нехорошо как-то,— пробормотал Харлей.— Он же еще

живой.

Васек взмахнул лопатой, лезвие с хрустом проломило черепную кость.

– Делов-то,— добродушно сказал Васек.— Ну, бери его за ноги!

Глава девятая

Альбина сняла пиджак и расстегнула верхнюю пуговицу блузки. Не из кокетства, а потому что жарко.

«Зря я столько выпила»,— подумала она.

Похититель словно забыл о ней. Расстелил на полу большой лист ватмана, принес откуда-то полиэтиленовый пакет и вытряхнул его содержимое на бумагу. Альбина не сумела сдержать восклицание.

В пакете были деньги. В основном рубли. Много. Аккуратные упаковки и мятая россыпь. Вошь быстро рассортировал купюры (доллары – отдельно), крупные перехватил резинками – точь-в-точь как банковский кассир – мелочь сгреб обратно в мешок, пачки, еще раз подмигнув Альбине, бросил в картонный ящик из-под телевизора, стоящий у соломенной «кухонной» занавески.

– Посуда – на тебе,— сказал он.

Альбина сердито дернула головой, но встала и пошла на «кухню». Кто их знает, психов: вдруг зарежет, если она откажется?

Проходя мимо ящика, не удержалась, заглянула внутрь. Пачки денег, наших и зелени, лежали грудой. Десятки пачек, а может, и сотни. Предпринимательское сердце Альбины Сергеевны защемило от такого количества праздных денег. Но тут же на ум пришли собственные проблемы. Если

завтра он ее не отпустит... Господи, если он ее завтра отпустит, это будет просто приключение. Даже интересно. А если нет?

Альбина терла губкой тарелки (даже забыла, когда последний раз этим занималась) и старалась выгнать вообще все мысли. Чтобы вместо них в голове клубился желтый приятный туман.

Альбина почувствовала на себе чей-то взгляд и оглянулась.

Широко расставив кривоватые лапы и палкой вытянув хвост, с табурета на нее пристально смотрел огромный полосатый кот самого помоечного облика. И выражение его вытянутой морды нельзя было назвать дружелюбным.

– Здравствуй, кошище,– поздоровалась Альбина, протягивая руку.– Кис-кис.

Кошек она любила.

Полосатый тоже поднял лапу, но с противоположными чувствами. А чтобы у Альбины не осталось сомнений на его счет, прижал уши и противно зашипел.

– Не бойся, дурачок,– ласково укорила Альбина.– Мы ведь с тобой оба узники.

– Он – нет!

Женщина вздрогнула от неожиданности. Вошь появился внезапно, словно возник из воздуха.

– Пардус – вольный бродяга,– хозяин подземелья бесцеремонно спихнул кота с табуретки и сел на нее сам.– Приходит

и уходит, когда захочет. Здесь две вентиляционные шахты. Человек застрянет, а коту – в самый раз.

Пардус стоял рядом и оскорбленно дергал хвостом.

– Наташ, ты что, сердишься на меня? – спросил Андрей.

– Нет, – отстраненно сказала Наташа.

Ласковин прикрыл глаза... и увидел обочину грунтовки. И Харлея, волокущего за ноги труп со снесенным черепом.

«Чувствует?» – подумал он.

– Слава звонил, – тем же отстраненным голосом произнесла Наташа. – Сегодня зайдет. После четырех.

«Это не я их убил, – Ласковин посмотрел на свои руки. Руки как руки. Человеческие. – Это не я».

«Но мог бы и ты», – мелькнула мысль.

Прабабушка с портрета смотрела на него неодобрительно. Что, сударыня, в ваши времена убивали деликатнее? Маленькая, почти бескровная дырочка от рапиры, да?

Ласковин потянулся к телевизионному пульту, но передумал. Встал, подошел к зеркалу. Представил бороду, волосы скобкой, шнурок поперек лба...

«Ты – владыка».

Вот двойник понял бы. И одобрил. А отец Егорий?

Наташа на кухне включила воду. Посуду моет? Что-то не так.

Чуть позже сообразил, что именно. Наташа не пела. А она ведь всегда поет, когда моет посуду. Блин!

Рука Андрея протянулась через Наташино плечо, завер-

нула кран.

– Я сам помою,– сказал он.– После.

Подал ей полотенце, увел в комнату, посадил на тахту, рядом, обнял ласково.

– Наташенька, родная, что стряслось?

Наташа попыталась спрятать лицо, но Андрей не дал. Бережно взял ладонями, повернул к себе, заглянул в черную синеву глаз.

– Ты плачешь?

Сердце сжалось, в груди стало пусто.

– У Сергея Сергеевича дочь пропала.

Мгновенное облегчение – не из-за меня! – тут же сменилось раскаянием: Наташе плохо!

Андрей не сразу, но вспомнил. Сергей Сергеевич Ростоцкий, Наташин учитель.

– Успокойся, родная,– проговорил он.– Ты же знаешь, дочка – это по моей части.

– Нет!

Сглаживая резкий ответ, Наташа потерлась о его фланелевое плечо.

– Она не с какими сатанистами не связывалась. Просто пропала, и никаких следов. Машину пустую нашли.

– Чем она занимается? – спросил Ласковин.

– Фирма у нее. Всякие кожаные вещи, пояса, жилеты. Не ширпотреб, красивые.

Привычный уверенный голос друга принес облегчение.

Может, и вправду Андрей сумеет помочь? Он же все может.
Андрей размышлял не больше минуты.

– Одевайся, малыш, – сказал он. – Поедем к твоему учителю.

– А Слава?

– Мы успеем. А не успеем – позвоним. Это не проблема.

Сергей Сергеевич Растоцкий чем-то походил на кузнечика. Высокий, тонкий, изящный. Маленькая, прямо посаженная голова, походка, которая вызывает в памяти ипподром и тренеров, прогуливающих сухоногих нервных лошадей. Просторная комната, белый кабинетный рояль, подлокотники кресел с львиными головами. Афиши. Фотографии. На фотографиях – феи пуантов и пачек, «черные лебеди» и блестящие испанские мачо.

Растоцкий поцеловал Наташу, протянул руку Ласковину. Познакомились.

«Хорошо держится», – подумал Андрей.

Хозяин позвонил в колокольчик. В дверях возникла седенькая старушка.

– Олюшка, нам чаю с бутербродами. Или вы, Андрей, предпочитаете кофе?

– Чай, это хорошо, – кивнул Ласковин. – Мы по делу, Сергей Сергеевич.

Растоцкий бросил быстрый взгляд на Наташу.

– Да, я слушаю вас.

– Сергей Сергеевич, Наташа мне рассказала о... вашей до-

чери. Если вы не против, я хотел бы ее поискать.

– Спасибо,– сухо произнес Растоцкий.– Ее уже ищут.

– Дядя Сережа,– вмешалась Наташа.– Андрей действительно может помочь!

Растоцкий помолчал, раздумывая. Потом кивнул.

– Что ж,– сказал он.– Хуже не будет. А, чай, спасибо, Олюшка. Пейте, Андрей, а я пока буду рассказывать.

Ласковин надкусил бутерброд, пригубил чай. Чай ему понравился. Растоцкий – тоже.

– Аля пропала два дня назад. Выехала из офиса домой... и не доехала. На следующий день мне позвонил ее сотрудник: Аля не пришла на важную встречу. Дома ее тоже не было, она живет отдельно,– пояснил Растоцкий.– И где она, никто не знал... Я обратился в милицию...

Андрей улыбнулся. Чуть заметно, но Растоцкий уловил:

– Я понимаю вашу иронию, Андрей. И знаю, что пропавших начинают искать не раньше, чем на третий день. Но я обратился не к участковому, а прямо в Управление. У меня хорошие связи. Так что спустя два часа они уже нашли.

К сожалению, не мою дочь, а только ее машину. Два дня – не такой уж большой срок, Андрей. Я... – Он помедлил.– Я чувствую, что она жива. Это звучит странно...

– Почему же? – возразил Ласковин.– Предчувствию я доверяю больше, чем милиции. Скажите, у нее большая фирма?

– Затрудняюсь сказать. Но предупреждая ваш вопрос: я не

слышал, чтобы у нее были связи с криминальным миром. И ее сотрудники говорят то же. Она никому ничего не должна.

«Проверим»,— подумал Андрей.

— Можно взглянуть на ее фотографию?

— Наташенька, принеси, пожалуйста, синий альбом.

Наташа поднялась и выскользнула в соседнюю комнату. В этой старой просторной квартире подруга Андрея казалась такой же естественной, как кресла с львиными ручками.

«А она здесь — как дома»,— ревниво отметил Ласковин.

Растоцкий словно угадал его мысли.

— У мужчины в жизни бывает только один настоящий друг, Андрей,— сказал он.— Для меня таким другом был Тимур Аршахбаев, отец Наташи.

Ласковин перевел взгляд на увешанную фотографиями стену.

— Его здесь нет,— ответил на невысказанный вопрос Растоцкий.— То, что мне действительно дорого, я неставляю напоказ.

Андрей кивнул. Это он понимал.

Вернулась Наташа. Положила на колени Ласковина открытый альбом.

— Вот она.

Цветная фотография. Смеющаяся черноволосая женщина на капоте белого автомобиля. Загорелые крепкие ноги, длинные черные волосы, круглые голые плечи. Ласковин посмотрел на Растоцкого, сравнивая. Дочь мало походила на

отца.

Наташа перевернула лист.

Очень серьезная женщина за компьютером. Волосы собраны и оплетены бархатной лентой. Длинная сильная шея напряжена, губы приоткрыты. Андрей не рискнул бы назвать женщину красивой, но привлекательной – безусловно.

Еще одна фотография: вышка для прыжков в воду, прогнувшийся трамплин. Дочь Ростоцкого вскинула руки, ноги чуть согнуты, лицо сосредоточенное. Мастерски пойманный миг.

– Достаточно, – остановил Андрей. – Я запомнил.

Ростоцкий улыбнулся.

– Ее снимал настоящий художник, – произнес он. – Для меня. И для нее.

– А что-нибудь попроще?

– Разумеется, – кивнул Сергей Сергеевич. – Я дам вам обычную фотографию, перед уходом. Я только хотел, чтобы вы познакомились с моей дочерью, Андрей.

– Мы еще познакомимся по-настоящему, – заверил Ласковин.

Слишком много жизни было в этой женщине, чтобы поверилось в ее смерть.

Они вернулись домой до прихода Зимородинского. Андрей сразу же набрал номер.

– Капитана Сазетдинова.

– Майора Сазетдинова, – поправил взявший трубку мужчи-

на.— Минуту.

— Привет, Ростик!

— А, Ласка, наше вам! Как жизнь?

— Разнообразно. Я по делу, Ростик.

— А то я не понял. Опять какая-то заварушка?

— Не совсем. Меня попросили поискать женщину. Параллельно с вашей конторой. Хотелось бы получить кое-какую информацию. Если можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.